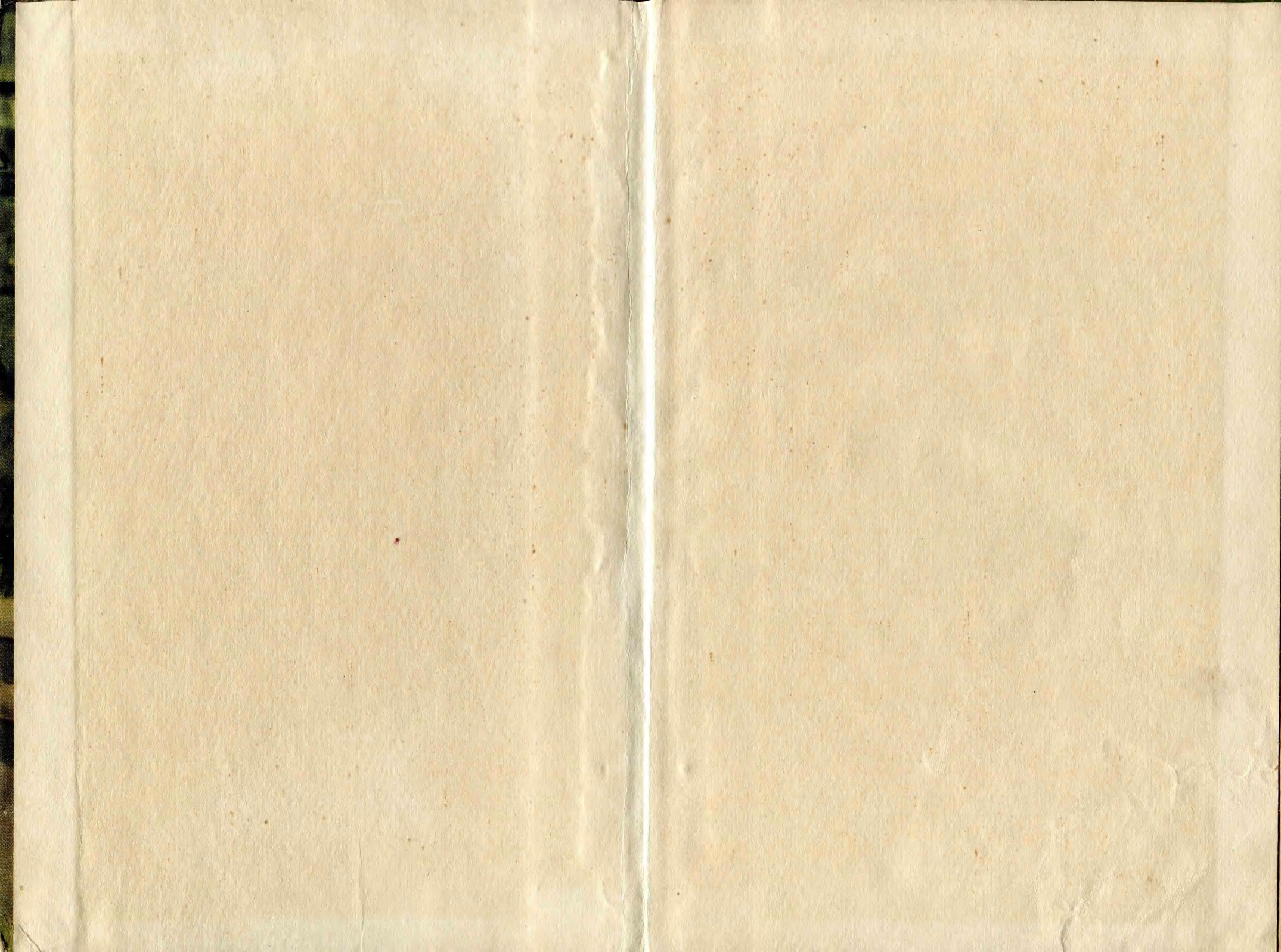

И. Василенко

РАССКАЗЫ

Детгиз ~ 1958

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

И. ВАСИЛЕНКО

РАССКАЗЫ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
МОСКВА 1958

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В этой книге вы прочитаете рассказы Ивана Дмитриевича Василенко. Вы узнаете о том, как советские ребята помогали взрослым в трудные для нашей Родины годы.

Мальчик Лёнька, прозванный за свой малый рост Мышонком, с большой смекалкой и находчивостью выполнял поручения рабочих завода, которые вели борьбу за советскую власть.

В Великой Отечественной войне дети ухаживали за ранеными бойцами, добывали для советских воинов нужные сведения о врагах, вероломно напавших на нашу Родину, помогали старшим в их беззаветном труде по обеспечению фронта всем необходимым.

МЫШОНОК

„С огромным интересом“

Лёнька выскочил из главной конторы и побежал к инструментальному цеху. До гудка оставалось тридцать минут, а служебные записки надо было разнести во все девять цехов. С разбегу Лёнька наскочил на сторожа и чуть не сшиб его с табуретки, на которой тот дремал у входа в инструменталку.

— Стой! — закричал старик. — Куда прёшь! Пропуск!

— А ну тебя! — отмахнулся Лёнька. — Сто раз показывать, что ли!

— Ты повежливей, сморчок паршивый, а то и по потылице недолго дать! — погрозил сторож.

— Ладно, обойдётся! — беспечно крикнул Лёнька и помчался между рядами жужжащих, как шмели, станков в цеховую контору.

— Получай! — Он положил несколько листов на стол перед конторщиком. — Расписывайся скорей!

Взглянув на Лёньку поверх очков, конторщик спросил:

— Тебе сколько лет?

— Двенадцать... Ой, да скорей же расписывайся!

— Тебе двенадцать, а мне сорок два. Если ещё раз мне тыкнешь, по носу получишь.

— Вот-то, — удивился Лёнька: — один по потылице, другой по носу! Так я и до гудка не доживу, — и, подхватив разносную книжку, побежал дальше.

В токарном цехе он направился в самый дальний угол, где за станком стоял коренастый крепыш Ваня Сычёв.

— Слышал? — спросил Лёнька приятеля. — Сегодня опять про большевиков брехать будут. Во дворе, после гудка. Только уж другой говорить будет — вот с такой бородой, как веник. У директора в кабинете сидит.

— Кто тебе сказал?

— Никто мне не говорил, я сам видел. Секретарь в проходную звонил, чтоб после гудка рабочих не выпускали.

— В патронном цехе будешь? — спросил Ваня.

— Сейчас туда бегу.

— Ну, так скажешь моему отцу, понял?

— Ладно, скажу. А ты мне сделал?

— Что?

— Да зажигалку!

— Начал делать, да мастер заметил и отобрал. Ты не беспокойся, сделаю. Раз обещал — значит, сделаю.

— Ну, смотри ж! — И Лёнька побежал к выходу.

В патронном цехе он подошёл к худошавому смуглому рабочему лет тридцати пяти:

— Здравствуйте, Пётр Степаныч!

— Здравствуй, Мышонок!

— Сегодня после гудка будут про большевиков говорить. Какой-то дядька приехал, у директора сидит. Секретарь звонил в проходную, чтоб рабочих не выпускали.

— Спасибо за приятную новость. Чей это на тебе картуз?

— Мой.

— А чего ж из-под него ушей не видно?

Лёнька стащил с головы картуз и любовно посмотрел на него:

— На толкучке купил. Немножко большой, да у меня голова подрастёт... Ну, я побежал.

— Не задерживаю.

Когда последняя записка была сдана, Лёнька обернулся к электростанции:

— Ну, теперь гуди: я со своим делом справился.

И точно подчиняясь Лёнькиному приказу, под крышей станции что-то сипло забормотало, зашипело, затем, прочистив горло и найдя нужный тон, загудело густым, ровным басом.

Из разных цехов ленточками потянулись рабочие. Перед закрытыми контрольно-проходными воротами они смешивались с толпой. Спрашивали друг друга, в чём дело, почему задерживают народ. Но толком никто ничего не знал.

Из дверей главной конторы вышла небольшая группа людей и направилась к рабочим. Впереди шёл директор завода, седой старик в кожаном пальто и инженерской фуражке, а рядом с ним — тучный мужчина лет пятидесяти, с огромной рыжей бородой. За ними нестройной толпой двигались начальник заводской стражи в форме казачьего офицера, военный комендант завода, коммерческий директор и ещё несколько старших служащих. Рабочие молча расступались, пропуская начальство. Бородач, услужливо поддержанный комендантом, поднялся на помост.

— Господа, позвольте мне заранее поблагодарить вас за внимание, которое, надеюсь, вы окажете моей лекции... — начал он тоном человека, привыкшего к публичным выступлениям.

Профессиональный оратор, белогвардейский адвокат, он придавал своему голосу то трагическую дрожь, то язвительность, то грозную воинственность. Но чем больше изощрялся он в ораторском искусстве, тем скучнее становились лица рабочих, тем отчуждённее смотрели их глаза.

Лёнька не вслушивался: то, что говорил оратор, он заранее считал брехнёй. Его старший брат, Семён, ещё при наступлении оккупационной германской армии ушёл с большевиками. Ну разве поверит Лёнька, что Сеня — плохой человек!

Однажды поздно вечером кто-то постучал в ставню хибарки. Выскочив на улицу, Лёнька увидел женщину. Темно было — только и заметил, что молодая, да и то больше по голосу догадался.

— Ты Лёнька? — спросила она.

— Лёнька.

— Ишь, малец какой! Брат такой рослый, а ты и впрямь мышонок. Нá, получай! — И женщина пропала в темноте улицы, оставив в руке мальчика шершавый кусочек бумажки.

При свете фитилька Лёнька прочёл:

«Привет, братёнок! Жив. Бьюсь с белогвардейцами на фронте. Хоть трудно, а побьём обязательно. Береги мать, помогай ей. Скоро увидимся, тогда заживём».

Нет, Лёнька не хочет вслушиваться в то, что говорит бородач. Он смотрит, как широко тот раскрывает рот, и думает, что хорошо бы взобраться на помост и крикнуть оратору в рот: «Брешешь!» — а потом повалить его и ножницами обрезать бороду — вот бы ругался!..

А оратор между тем продолжал:

— Я был в Петрограде и в Козлове, в Москве и в

Белгороде, в многолюдных городах и деревушках, где ещё держится советская власть. Я вижу, с каким огромным интересом вы слушаете мой рассказ о царящем там ужасе...

В это время за стеной завода раздался автомобильный гудок. Сторож поспешно снял замок и распахнул ворота. Едва директорская машина, шурша, въехала во двор, как человек десять рабочих отделились от толпы и стали по обеим сторонам ворот.

— Куда вы? Не велено пущать! — заволновался сторож.

— Да мы и не выходим. Мы вот только покурим здесь. Ишь, сколько начальства сидит! Неудобно при начальстве курить-то.

Сторож ухватился за створку ворот и потянул её к себе, но она уперлась в спины рабочих и не подавалась. Увидя, что ворота остаются открытыми, толпа ожила и молча двинулась к выходу.

— Закрывать ворота! Ворота закрыть! — крикнул начальник стражи, покраснев от натуги.

Но было уже поздно. Рабочие шли сплошной лавиной, и остановить их не было возможности.

— Зачем вы подаёте машину без вызова? — сухо спросил директор шофёра.

— Мне было приказано, господин директор.

— Кем? — удивился тот.

— Не могу знать. Кто-то позвонил по телефону в гараж и передал ваше распоряжение немедленно подать машину.

— Канальи!.. — прошептал директор и, обратившись к бородачу, пригласил его с собой в машину.

Пучеглазый

Лёнька был в восторге, когда людской поток выносил его за ворота. От переполнивших всё его существо бурных чувств ему хотелось заложить пальцы

в рот и пронзительно засвистеть, но кругом шли люди с серьёзными, сосредоточенными лицами, и, желая походить на них, он сам сжал губы и нахмурился.

— Так на толкучке, говоришь, купил картуз? — На плечо Лёньки легла рука Петра Степаныча. — А ну посмотри вон на того человека, что у телеграфного столба стоит. Пожалуй, его шляпа почище твоего картуза будет.

Лёнька только хотел раскрыть рот, чтобы защитить честь своего картуза, как Степаныч, нагнувшись, прошептал на ухо:

— Не отставай от него: куда он, туда и ты, но на глаза ему не попадайся. Понял?

Затем он протиснулся вперёд, выбрался из толпы и зашагал по шоссе.

Человек, на которого указал Степаныч, стоял в двух шагах от обочины, чуть подавшись корпусом вперёд, в сторону проходивших рабочих. Его мутно-серые, навывкате глаза пристально всматривались в толпу.

«Ну и гляделки! — удивился Лёнька. — Как оловянные пуговицы! На кого он смотрит, чёрт пучеглазый?»

Узнать, на кого смотрит пучеглазый, было трудно: в этом направлении шло очень много людей.

Но вот пучеглазый смешался с проходившими мимо рабочими и стал удаляться от завода.

«Придётся идти за ним. Верно, дело важное. Даром Степаныч меня не стал бы утруждать», — подумал Лёнька и пошёл вслед за пучеглазым.

Чем дальше от завода, тем поток рабочих становился реже.

Около кладбища, где люди шли уже по двое и по одиночке, Лёнька опять увидел Степаныча. Он шёл шагах в пятидесяти от пучеглазого, впереди него. На углу узенького переулочка Степаныч приостановился, как бы размышляя, куда идти дальше.

Пучеглазый точно наскочил на невидимое препят-

ствие: затоптался на месте, а затем быстро нырнул за водоразборную будку.

«Шпик! — догадался Лёнька. — Вот гадюка!»
И сам стал за дерево, чтобы не быть замеченным.

Степаныч оглянулся, внимательно посмотрел по сторонам и повернул за угол.

Пучеглазый выскочил из-за будки и почти бегом завихлял к углу.

«Наверно, в поясице повреждённый», — подумал Лёнька.

Пройдя по переулку несколько кварталов, Степаныч остановился около второй хаты от угла, опять оглянулся (шпик едва успел нырнуть в подворотню) и вошёл в калитку.

Пучеглазый вдруг опьянел. Он шатался, орал пьяным голосом и наконец, как бы потеряв равновесие, шлёпнулся на скамью у забора, за которым скрылся Степаныч.

Лёнька подошёл ближе. Шпик казался спящим. Шляпа его валялась на земле.

Лёнька прошёл мимо, свернул за угол и задумался. Ему было ясно, что надо предупредить Степаныча. Но как это сделать? Пройти в калитку — пучеглазый заметит...

«Э, да что я думаю! Это ж раз плюнуть!»

Лёнька ухватился за край дощатого забора и в одно мгновение перемахнул во двор. Женщина, загонявшая палкой в хлев свинью, испуганно шатнулась в сторону:

— Откуда тебя нелёгкая принесла? С неба ты, что ли, свалился?

— Не кричите, тётенька. Я не до вас.

Увернувшись из-под палки, Лёнька перебежал через узенький дворик, кошкой вскочил на забор и спрыгнул в соседний двор.

— Вот и всё, — сказал он удовлетворённо.

— Вот же не всё! Когда надеру тебе чуб, тогда уже будет всё.

С этими словами мужчина с отвисшими усами украинца и добродушно-лукавым взглядом схватил Лёньку за руку.

— Ты чего ж, бисова дитына, по заборам прыгаешь?

Нахмурившись, Лёнька сказал важно:

— Кабы не надо было, так и не прыгал. До Петра Степаныча дело имею.

— До кого-о? — удивился украинец.

— До Петра Степаныча. Я видел, как он сюда прошёл. Ведите меня в хату.

— Вот же быстрый какой! Так сразу и в хату?

— Скажите ему, что Лёнька требует.

— Прямо генерал! «Требует»... Ну, подожди, сейчас доложу.

Спустя минуту Лёньку ввели в комнату, где, кроме Петра Степаныча, находилось ещё несколько мужчин и молодая женщина с приветливым лицом. На столе стояли тарелки с огурцами и кружочками колбасы.

— Что случилось, Лёня? Как ты сюда попал? — спросил насторожённо Степаныч.

— Шёл за пучеглазым... что в шляпе... Тут он, у вас под забором сидит... Напустил на себя, будто пьяный...

— Та-ак... — протянул Степаныч. — Выходит, что я с собой шпика привёл.

— Ничего, — сказала женщина. — Ты привёл — ты и уведёшь, а мы потом разойдёмся. Но сначала дело закончим.

Лёнька сразу вспомнил стук в ставень, тёмную улицу и этот женский голос.

«Она!» — уверенно подумал он.

Степаныч сказал:

— Я послал за ним Мышонка, чтобы узнать, кто у них сейчас на подозрении, за кем он увяжется. Оказывается, по-прежнему мы. Но как я его не заметил, когда в переулок поворачивал?

— Он за будку спрятался, — сказал Лёнька.

Женщина подошла к мальчику, сняла с его головы картуз и пригладила волосы.

— Молодец, Лёня! — сказала она ласково и, посмотрев ему в лицо, добавила: — А взгляд братьев — умный, весёлый.

От этих слов у Лёньки в груди стало тепло.

— А я узнал вас, — сказал он и улыбнулся. — По голосу.

— Очень приятно, — засмеялась женщина.

— Ты, наверно, есть хочешь? — спросил Степаныч.

Лёнька взглянул на стол:

— Да огурчик бы съел. И колбаски колечко.

Степаныч положил на тарелку хлеб, несколько кусочков колбасы и пару огурцов.

— Пойдём, — сказал он. — Тут тебе товарищ найдётся.

Они вошли в соседнюю комнату. Девочка лет одиннадцати — двенадцати, смуглая, черноволосая, с карими глазами, поднялась при их входе с табуретки и поправила волосы.

— Вот, Галя, угощай Лёню. Он сегодня поработал лучше всех!

Девочка взяла из рук Степаныча тарелку, придвинула табуретку к столу и пригласила:

— Кушайте.

Степаныч ушёл. Лёнька, посапывая, в две минуты уничтожил всё, что было на тарелке.

— Может, ещё желаете? — спросила Галя.

— Могу и ещё.

Когда девочка принесла вторую тарелку, Лёнька сказал:

— Я могу таких огурцов сорок штук съесть. Ты думаешь, если я ростом не вышел, так много не съем? Я раз целую кастрюлю борща проглотил.

— О-о! — воскликнула девочка, у которой от удивления расширились глаза.

— Может, ещё желаете? — спросила Галя

— Факт! Я ещё и не то могу. Я одной рукой три пуда выжимаю.

— О-о! — ещё шире раскрыла глаза Галя.

— Факт! Я могу трое суток бежать без остановки.

Галя подумала и серьёзно спросила:

— А сколько ты можешь брехать без остановки?

Лёнька с удивлением сказал:

— Вот ты какая! А я думал, что и вправду поверила. — И сейчас же спросил: — Тот вот, что с длинными усами, он твой отец?

— Да.

— Весь в тебя. И глаза, как у тебя, и нос. Вот только усов у тебя нету. А где твоя мамка?

У девочки вдруг задрожали губы. Она что-то прошептала и отвернулась.

— Что? — не понял Лёнька.

— Беляки убили, — громко повторила она и всхлипнула.

Лёнька стал серьёзным.

— Ты не плачь, — сказал он строго. — Разве этим сможешь?.. За что они её?

Порывисто вздыхая, Галя рассказала, как мать её, уборщица в тюремной больнице при руднике, помогала бежать заключённым и попала под обстрел.

— Вы, значит, не здешние? — спросил Лёнька.

— Нет, мы с Чистяковского рудника, а тут живём только три месяца. Батя на заводе работает, на металлургии.

Лёнька подумал и спросил:

— Кто у большевиков в Москве царь?

— У большевиков царя нету, что ты! — удивилась девочка.

— Правильно. А кто у них самый главный?

— Ленин.

— Правильно. А кто самый умный?

— Да Ленин же!

— Правильно. Какой генерал хуже: Краснов или Деникин?

— Оба хуже. — Видя, что Лёнька молчит, Галя спросила: — Правильно?

— Кажется, правильно. Надо для верности Ваню спросить: Ваня много знает. А если чего не знает, у отца спросит, у Степаныча, — тот уж всё на свете знает. — Лёнька понизил голос до шёпота: — Он здесь самый главный, понимаешь?

Когда стало темнеть, в комнату опять вошёл Степаныч.

— Познакомились? Вот и ладно, — сказал он. — Ну, я сейчас пойду. Ты, Лёня, не выходи, пока шляпа тут сидит. Да он, наверно, за мной сейчас увяжется.

Степаныч ушёл, но пучеглазый продолжал по-прежнему сидеть.

Стали совещаться, как от него избавиться. Галин отец, почесав в затылке, сказал:

— Что ж, меня он всё равно заметит, раз я тут живу. Пойду побалакаю с ним. У меня разговор короткий.

— Но рукам воли не давай. Слышишь, Ковтун, это ни к чему! — предупредила женщина.

Ковтун взял в одну руку табуретку, в другую — ведро с помоями и вышел во двор. Там он поднялся на табуретку и через забор вылил помои на улицу.

— А-а, ч-чёрт! Кой тут дьявол!.. — заорал шпик, хватаясь за голову.

— Виноват, господин, я обознался! — вежливо сказал Ковтун, глядя через забор. — Тут до нас один стрикулист повадился ходить. Во дворе дивчина молоденькая живёт, он её и сманивает, свинячье рыло. Очень извиняюсь, господин!

— Негодяй! Подлец! Скотина! — От бешенства у шпика дрожала челюсть.

— О-о, так! — удивился Ковтун. — Я с тобой вежливо, деликатно, а ты лаешься! Придётся отчитать калитку да надавать тебе по загривку!

— Я тебе выйду, я тебе выйду, попробуй только! — взвизгнул пучеглазый, засовывая руку в карман.

Глаза украинца сузились:

— Стрелять хочешь? Ну-ну, стреляй! Только сначала с белым светом попрощайся!

С минуту они смотрели друг другу в глаза.

— Ладно, — сказал шпик, вдруг успокоившись. — Будет время — сочтёмся.

Он поднял шляпу и быстро завихлял вдоль переулка.

— Вот так лучше, — сказал Ковтун, сходя с табуретки.

Директор сердится

Иногда швейцара трепала лихорадка. Он кутался, ёжился, но, не выдержав, отпрашивался у секретаря полежать часок на скамье в кладовой, пока перетрясёт. В таких случаях у дверей директорского кабинета сажали Лёньку. Вот и теперь сидит Лёнька на табуретке, ёрзает, вздыхает. Он привык бегать с разносной книгой по цехам и с большим трудом переносит это вынужденное сидение. Единственное развлечение — чуть приоткрыть дверь и посмотреть, что делается в кабинете.

Но сейчас в кабинете тихо. Директор один, и Лёнька думает, что хорошо бы дверь запереть на ключ, чтобы никто без доклада не вошёл, а самому сбегать к Ване в токарный, узнать, начал ли он уже делать зажигалку.

В коридоре показался начальник стражи — высокий рыжеусый офицер. Он быстро подошёл к двери, спросил: «Здесь?» — и, не ожидая от Лёньки от-

вета, вошёл в кабинет. Это заинтересовало Лёньку. Обычно начальник стражи, увидев его в коридоре, говорил: «Ну-с, Курьер Курьерович, скоро пойдём большевиков бить?» — на что Лёнька с нарочито глупым лицом неизменно отвечал: «Так точно, никак нет, рад стараться!» Но на этот раз есаул был чем-то очень встревожен. Лёнька приоткрыл дверь и стал слушать.

— Извините, Сергей Андреевич, что вошёл без доклада, — сказал есаул: — очень спешил поговорить с вами. Вот, извольте видеть, что мои агенты принесли сегодня. Во всех цехах такие штуки обнаружены.

Он вынул из портфеля несколько продолговатых листков бумаги. Директор взял один из них и быстро пробежал глазами.

— Так. Это как раз то, чего я опасался, — сказал он зло. — Кто распространяет, узнали?

— Пока узнать не удалось, но есть довольно определённые подозрения...

— Удивляюсь вам, господин есаул! Тратятся огромные средства на вашу агентуру, а цехи заваливаются прокламациями! Ну, что там делают ваши болваны?

— Господин директор, — с обидой в голосе сказал есаул, — позволяю себе напомнить вам, что я офицер... Говорить со мной в таком тоне... это, знаете ли, по меньшей мере странно! Кроме того, я вам непосредственно и не подведомствен...

Директор иронически хмыкнул:

— Вам не нравятся мои слова, а мне, господин есаул, не нравятся ваши дела. Что из того, что вы забили все подвалы людьми, когда те, кого следует...

— Это и есть те, кого следует...

— Может быть. Не спорю. Но объясните мне, кто же тогда разбрасывает эти листовки! Святой дух? А если вам так неприятен мой тон, то и не обращайтесь ко мне. Пусть ваше непосредственное началь-

ство, — директор ехидно скривил рот, — вас и субсидирует.

Есаул вдруг сделал жалкую мину:

— Сергей Андреевич, ну зачем так обострять! Вы же знаете, что я всей душой... Чёрт их всех сразу изловит!..

— Не чёрт их должен ловить, господин есаул, а вы. — Директор взял со стола телефонную трубку: — Коменданта! Это вы, капитан? Зайдите ко мне на минутку.

Чуть припадая на простреленную под Царицыном ногу, в кабинет прошёл капитан Звягинцев. И его Лёнька хорошо знал, как, впрочем, и все знали капитана на заводе. Худощавый, низкорослый, с огромной круглой головой, этот надушенный урод всюду появлялся неожиданно и пугал людей неподвижным взглядом жёлтых глаз.

— Садитесь, капитан, — обратился к нему директор. — Читали? — Он кивнул в сторону листовок.

— Читал, — скрипнул тот ржавым голосом.

— И?

— И принял меры. С завтрашнего дня все рабочие при входе на завод будут обыскиваться.

— Видите ли, капитан, если бы в листовках заключались обычные призывы к пролетариям всех стран, тогда было бы полбеды. Но здесь есть призыв портить снаряды и патроны. Больше того: в этих листовках уже есть и технические указания на этот счёт. Следовательно...

— ...следовательно, непрошенных инструкторов надо обнаружить и изъять. Это ясно. Я бы, Сергей Андреевич, вот что предложил: вы соберите техническое совещание, чтоб проинструктировать начальников цехов, как предотвратить бракоделие, а мы с есаулом съездим тем временем в город и посоветуемся с начальником контрразведки — взять ли тех, кого мы подозреваем, этой ночью или выждать день-

два, но зато поймать их на месте с листовками в руках.

Капитан и есаул ушли, а в кабинет директора по одному, по двое стали входить начальники цехов.

Лёнька забеспокоился: нужно бежать к Степанычу, а отлучиться нельзя. От волнения горели уши, точно их кто надрал. К счастью, вскоре вернулся швейцар, и Лёнька бросился в регистратуру:

— Давайте скорее, Захар Тарасыч, а то опоздаю!

Конторщик посмотрел на часы и не спеша стал записывать служебные записки в разносную книгу.

— Успеешь, — сказал он, — до гудка ещё целый час.

Когда, задохнувшись от быстрого бега, Лёнька наконец оказался в патронном цехе перед станком Степаныча, то еле мог проговорить:

— Что я вам сейчас скажу!.. Директор и тот... как его... комендант... читали те... как их...

— А ты мне ничего не говори. Скажешь Ване. Понял? — шепнул Степаныч и громко добавил: — Ну, чего стал? Чего тут не видел? Иди себе, мальчик, пока ремнём не задело.

Оттого что Степаныч не испугался и нисколько не растерялся, успокоился и Лёнька. Он сдал последнюю записку и вприпрыжку побежал в инструментальный — самый любимый им цех. Здесь столько диковинных станков, а за станками стояли такие известные всему заводу лекальщики, что Лёнька терялся от восторга. Многие вещи, которые здесь обрабатывали, были слишком сложны для его понимания. Но была одна вещь, которую в то время делали чуть ли не все рабочие: зажигалка. Её-то Лёнька и избрал мерилom рабочего мастерства.

Вот он стоит перед станком токаря Лабутина и не сводит глаз с его рук. А руки как руки: желтизна от машинного масла и металлической ржавчины, короткие пальцы, в старые порезы которых глубоко въелась чёрная пыль, крепкие, негнущиеся ногти. Да

и весь Лабутин самый обыкновенный: круглое лицо, вздёрнутый широкий нос, на голове лысинка и жёлтая мочалка, на носу очки в медной оправе. Но Лёнька ни за что не поверит, что Лабутин обыкновенный человек: он собственными глазами видел изумительную зажигалку, которую сделал этот токарь, и навсегда уверовал в волшебство его пальцев. А Лабутин поглядывает на мальчика из-под очков и еле приметно улыбается. Кто знает, может, он догадывается, что делается в Лёнькиной душе, как мальчик презирает в эту минуту свою курьерскую должность и как ему хочется стать за этот прекрасный станок...

С завода Ваня и Лёня возвращались вместе.

Пока шли в толпе рабочих, Лёнька с воодушевлением рассказывал, почему зажигалка секретаря во сто раз лучше зажигалки главбуха, хотя та и серебряная. Но он сейчас же расстался с любимой темой, как только поблизости не оказалось людей. Боясь что-нибудь пропустить, он подробно рассказал всё, о чём говорили в кабинете директора. Ваня слушал с тревожным вниманием.

— Значит, завтра будут обыскивать?.. Это, Лёня, ты хорошо сделал, что узнал. Отец тебе спасибо скажет. — И, вздохнув, добавил: — Жалко батьку! Арестуют его обязательно. Главное — пытать будут, вот что...

— А может, и не будут, чего ты заранее! — попытался успокоить Лёнька.

— Нет, чего уж тут закрывать глаза... Батька ж им ничего не скажет, ну, они его и начнут... — Ваня оглянулся и, хотя близко никого не было, перешёл на шёпот: — Слышал про Ковалиху, жену Петра Коваля, что в Навозном переулке жил? Он сначала газеты от красных сюда доставлял, а потом и совсем там остался. Так её, Ковалиху, взяли в контрразведку и трое суток мучили, допытывались, где муж. А потом шашкой по голове рубанули.

— Кто же ходит теперь к красным заместо Петра этого? — спросил Лёнька.

— Знаю, только не скажу, хоть верю тебе больше всех. Ты, Лёня, не сердись. Понимаешь, я обещал батьке, что и во сне не проговорюсь.

— Ладно, если обещал, значит, молчи, — сказал солидно Лёня, но и солидность эта не могла скрыть нотку обиды, которая на миг прозвучала в его голосе.

У ветряка, прежде чем расстаться, Лёня сказал:

— Знаешь очкастого счетовода из расчётной конторы? Ему третьего дня токарь Лабутин зажигалку принёс... Вот зажигалка! Величиной чуть-чуть побольше напёрстка. Можно на цепочку вешать, как брелок. Конечно, ты мне такую не сделаешь. Лабутин — лекальщик, он самый знаменитый в городе токарь. Ты ещё не начинал?

Ваня уже хотел сказать, что и не собирается начинать, что это не такое простое дело, но неожиданно для себя брякнул:

— Ну и что ж такое, что лекальщик? Я, может, ещё и лучшую сделаю. Вот достану подходящий чертёж и сделаю.

Ответственное поручение

Хотя в главной конторе работа начиналась позже, чем в цехах, Лёнька на следующий день пошёл на завод тотчас после первого гудка. Ему очень хотелось посмотреть, как будут обыскивать рабочих. Близ шоссе он увидел, что из множества людей, торопливо шагавших к заводу в молочном тумане ноябрьского утра, то один, то другой, то там, то здесь вдруг нагибался и поднимал с земли что-то белое. Всмотревшись, Лёнька заметил, что по всему шоссе, как крылышки белых голубей, рассеяны косячки бумаги.

В несколько скачков он приблизился к одному из них, развернул и впился в бледно-синие строчки. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — прочёл Лёнька и в восторге крикнул:

— Ага! Взяли? Обыскивайте теперь сколько влезет!

Уже издали было видно, что на площадке перед контрольно-проходной конторой столпилось необычайно много людей.

— Что там такое? Не впускают, что ли? — спрашивали вновь подходившие.

— Обыскивают, — отвечали те, что пришли раньше.

Толпа гудела. Из одного конца в другой неслись едкие выкрики, раздавались взрывы хохота:

— Эй, передние, спросите там, чего ищут!

— Мозгу потеряли!

— Подкладку, подкладку щупай лучше! У него в подкладке пушка зашита!

— Эй, стражник! Смотри, блоха из жилетки в завод прыгнула! Догоняй её, а то на начальство кинется. Может, бешеная!

Круглолицый парень, вытянув шею, крикнул через головы людей пожилому рабочему:

— Петрович, ешь скорей сало, что жинка на завтрак дала!

— Неужто и сало отбирают? — спросил тот с деланным испугом.

— А то как же! Запасаются, чтоб было чем пятки мазать!

О листовках почти не говорили. Те, кто не успел подобрать их на шоссе, спрашивали у других: «Есть? А ну дай!» Читали жадно и, прочитав, передавали вновь подходившим.

Вечером, когда Лёнька уже лежал в постели, в ставень тихо постучали. Думая, что вернулась с ра-

боты мать, он соскочил с кровати, босиком прошлёпал в сени и крикнул:

— Иди! Открыто!

Едва он успел нырнуть под одеяло, как в сенях послышался женский голос, совсем не похожий на голос матери:

— Что же ты в темноте гостей принимаешь? Тебе, Мышонку, небось всё видно и без света, а я сейчас себе шишку набила.

— Ой, кто это? — удивился Лёнька, но тотчас же догадался и завозился, нащупывая на подоконнике спички. — Вот они, сейчас зажгу.

Спички чиркали одна за другой, на коробочке вспыхивали и мгновенно пропадали зелёно-огненные полосы, по комнате распространялся едкий запах серы.

— Ну что ты скажешь! Не горят, да и только! И чего они такие стали, эти спички? Прямо беда без зажигалки!

Наконец одна спичка, стрельнув, как из пистолета, зашипела, затрещала и медленно стала разгораться зелёно-багровым пламенем.

В комнате стояла та самая женщина, которая уже приходила. Улыбаясь, она смотрела на Лёньку.

— Вот и светло стало, — сказал он. — А сейчас и штаны надену. Здравствуйте!

— Не мешает, — засмеялась женщина. — Здравствуй!

В то время как мальчик одевался, она с интересом осматривалась по сторонам. Глиняный пол и бедная обстановка, но чисто и даже уютно.

— А что там, за перегородкой? — спросила женщина.

— Мамкина кровать стоит. А раньше Семён там спал... Вы опять принесли записку?

— Нет, я пришла по другому делу. Вот давай потолкуем. Мамы твоей нет дома?

— Нет.

— Скоро придёт?

— Не знаю. Она когда как. Иной раз и в двенадцать приходит, если стирка большая.

— Так вот какое дело. Пётр Степаныч говорил, что ты работаешь в главной конторе рассыльным. Так это?

— Так.

— Ты проходишь на завод через контрольно-проходную контору или через калитку?

— Через калитку.

— Тебя там сторож обыскивал сегодня?

— Меня? Нет, что вы! Служащих главной конторы не обыскивают, а меня и подавно. Я по десять раз в день хожу через ту калитку.

— А тебе не приходилось пронести на завод какой-нибудь свёрток?

— Из типографии часто бланки таскаю. И завтра с бланками пойду.

— Значит, если ты понесёшь какой-нибудь свёрток, то при входе в завод его не развернут и не осмотрят?

— Нет... Я понимаю... Давайте свёрток... Я понимаю...

— Подожди, не спеши... Когда ты войдёшь на завод, то свёрток носи к модельно-столярному цеху. Там, за его задней стеной, в куче стружек и щепок, стоят старые дроги.

— Знаю.

— Положи свёрток под эти дроги, закрой его стружками и уходи.

— Сделаю. Давайте!

Женщина протянула Лёньке небольшой свёрток и, как в прошлый раз, пригладила мальчику волосы.

— Теперь я пойду. Большое дело тебе поручается, Лёня. Придёт Семён, от всей Красной Армии спасибо тебе скажет. Ну, а если попадётся, не унывай: свои жизни отдадим, а тебя выручим.

И так же, как в прошлый раз, Лёнька почувство-

вал, что у него стало тепло в груди. Ему хотелось попросить, чтобы гостя ещё чуточку посидела, чтобы рассказала про Семёна, какой он теперь в красноармейской форме, но почему-то не решился.

После ухода женщины Лёнька сунул свёрток в сундук и лёг спать.

Рано утром он быстро натянул на себя рубашку и брюки, нахлобучил картуз и убежал.

Спустя час он вернулся с каким-то пакетом и завожился у сундука, раскладывая и складывая листы бумаги. Ещё немного спустя он шагал по шоссе, крепко держа под мышкой солидный свёрток. Сердце его так билось, что отдавало в уши. Если не считать нескольких человек, которые стояли на подозрительно равных расстояниях друг от друга, шоссе было почти безлюдно. Когда Лёнька поравнялся с первым из них, тот пристально посмотрел на свёрток и спросил вполголоса:

— Куда, паренёк, идёшь?

— В завод, — ответил Лёнька, замедляя шаг. — А что?

— Ничего. Так просто спросил. В бумаге-то у тебя что?

— А вы кто, сыщик? — дерзко спросил Лёнька.

Человек дёрнул головой и заморгал глазами, точно его кто ударил по лбу, но тотчас же хихикнул и сказал примиряющим тоном:

— Вот чудило! Я тут товарища поджидаю. Скучно, вот и спросил. А ты думал что?

Не отвечая, Лёнька шёл дальше. Уголком глаза он заметил, что человек взмахнул рукой. Тогда другой, который стоял шагах в двухстах, сошёл с шоссе и скрылся за деревянным строением. Лёнька ещё не знал, что против него готовится, но уже понял, что попал под наблюдение. Он опять замедлил шаг. Направо, насколько глаз хватал, — обнажённая земля осенней степи, налево — редкие деревянные строения заводских служб, а ещё дальше — полоса леса,

Лёнька хотел пройти мимо, но стражник злобно повторил:
— Що несёшь?

почерневшего от частых осенних дождей. Не дать ли дѣру в лес, пока не схватили?

— Стой! Сворачивай сюды!

Из-за деревянного амбара выглянул стражник и пошёл по шоссе.

Лёнька хотел пройти мимо, сделать вид, что не слышал, но стражник, ощетинившись рыжими усами, злобно повторил:

— Я що сказал! Оглох?

— Вы мне? — удивился Лёнька.

— А то ж кому? Що несёшь?

— Бланки.

— Какие такие планки?

— Бланки, а не планки. Листы, на которых машинистки в конторе печатают.

— Листы? Гм!..

Стражник в нерешительности переступил с ноги на ногу.

— А несёшь откуда?

— Из типографии.

— Из типографии? Гм!.. — Лицо его напряглось, нижняя губа выпятилась. — А ну развяжь.

Лёнька весь так и взъерошился, точно маленький котёнок перед бульдогом.

— Чего-о? Казённые бумаги? Чтоб меня секретарь на тот свет загнал?

— А я кто? Разве не казённый? Давай сюды!

Стражник схватил свёрток за конец и потянул к себе.

— Подожди! — сказал Лёнька. — Я сам развяжу.

Он вцепился зубами в узел, оттянул шнурок и раскрыл обёрточную бумагу.

— На, смотри, когда ты такой грамотный... А секретарю всё равно скажу, он тебе покажет...

Неожиданно для себя Лёнька всхлипнул.

Морща лоб, стражник смотрел на стопу белой чистой бумаги с печатными строками в левом углу.

— А ну читай! — сказал он.

— Сам читай! — дерзко ответил Лёнька.

— Да я без очков не дуже того... Читай!

— Что такое, в чём дело? — раздалось за их спинами.

Лёнька обернулся и похолодел: в нескольких шагах от них стоял экипаж, а в нём — начальник стражи.

Стражник взял под козырёк и доложил:

— Так что на предмет подозрения, которая прокламация...

— В чём дело, Лёнька?

Нахмурясь, есаул смотрел на мальчика. Лицо его выражало недоумение, и это сразу ободрило Лёньку.

«Выскочу», — мелькнуло в его голове.

Он быстро подошёл к экипажу и начал прерывистым от плача голосом:

— Я иду, несущи бланки... а он как хватит за конец... и тянет... у-у-гу-у!..

— Подожди, не реви! Толком скажи, что несёшь. Какие бланки?

— Из типографии... заводские... которые всегда ношу... Вот эти...

И Лёнька поднёс к самому носу есаула стопу бумаги.

— «Южнорусское акционерное общество металлообрабатывающей промышленности», — вслух прочитал есаул и, взглянув на стражника, сказал: — Перестарался малость. Ну, ничего, кашу маслом не испортишь... Да перестань реветь! — крикнул он Лёньке.

— Да-а, «перестань»!.. Что мне теперь будет от секретаря... Ишь, измазал бумагу грязными лапами...

— Ничего не будет. Я ему объясню, не бойся. Садись-ка, подвезу тебя.

Шурша резиновыми шинами, экипаж покати к заводу. Ресницы Лёнькиных глаз ещё были мокры от слёз, но он уже убеждённо доказывал, что самая

лучшая зажигалка не у директора, а у счетовода из расчётной конторы, потому что её делал самый знаменитый токарь в городе — Лабутин. У заводских ворот экипаж остановился. На оклик кучера сторож выглянул в «глазок» и поспешно распахнул ворота. Экипаж въехал в заводской двор.

— Ну, шагай! — сказал начальник стражи. — Неси свои бланки. Да готовься в поход на большевиков. Ах ты, лоботряс!

— Так точно, никак нет, рад стараться! — звонко ответил Лёнька и такого задал стрекача, что только ветер в ушах засвистел.

А к концу рабочего дня директор, кривя рот, говорил:

— Что ж, господин есаул, будет этому когда-нибудь конец? Эти паршивые листовки с каждым днём гонят брак вверх!.. Вот посмотрите, какую «литературу» мне принесли сейчас из цеха. Полная инструкция по бракоделию!..

И он нервно ткнул пальцем в тонкий листок с бледно-фиолетовыми строчками.

Таинственный покойник

Мать ещё накануне предупредила, что взяла квартирантов. Однако Лёнька с минуту рта не мог закрыть от удивления, когда в дверь просунулся и, покачиваясь, продвинулся на середину комнаты большущий узел. Снизу узла видны были маленькие, испачканные в грязи башмачки, а сверху прямо на Лёньку смотрели два карих глаза.

— Ой, до чего же на дворе темно да страшно! — сказала Галя, опуская узел. — Здравствуйте!

Вслед за ней в дверь просунулась голова в серой папахе, с длинными усами.

— Вот и мы со своим добром. Принимаете гостей, а то, может, назад поворачивать?

— Зачем же назад! — сказала мать Лёни. — Я и со стирки сегодня раньше пришла, чтоб вас встретить.

— Ну, тогда здравствуйте!

Держа в одной руке сундучок, а в другой — раскладную кровать, в комнату вошёл Галин отец.

— Так вы и есть наши квартиранты? — радостно воскликнул Лёнька.

— Мы, — в один голос ответили Галя и Ковтун. — А ты не знал?..

С тех пор как ушёл Семён, в хате Гармашовых стало тихо и скучно. Чувство осиротелости давило не только Евдокию Акимовну, мать Лёньки, но и самого Лёньку. Теперь, когда в дом вошли, чтобы жить всем вместе, взрослый мужчина с добродушно-лукавым лицом и его кареглазая девочка, в комнате сразу стало веселей и уютней, точно зажгли лампу под бумажным абажуром и разогнали серые осенние сумерки. В этот вечер и морковный чай, который распивали все вчетвером, показался Лёньке не таким приторным, и даже хлеб с отрубями стал как будто вкуснее.

За чаем решили, что «квартирант» поселится за перегородкой, а Евдокия Акимовна перейдёт в общую комнату.

— Ну, хорошие люди, какие ж мы правила внутреннего распорядка установим? — сказал Ковтун. — Евдокия Акимовна уже знает, что наши решили спрятать меня у вас, чтобы в самую горячую пору не попал я в контрразведку. Пусть же и Леонид помнит, что я теперь человек нелегальный. На улицу выходить не буду, а только во двор, да и то ночью.

— Двери будем держать на крючке, — вставил Лёнька.

— Правильно, на крючке, а открывать только тому, кто скажет: «Тётка Матрёна за утюгом прислала». Кто такие слова не скажет, тому...

— ...по шее давать, — закончил Лёнька.

В этот вечер сидели долго. Ковтун разговорился.

Мешая русские слова с украинскими, он рассказывал притихшим слушателям о своей жизни, о подпольной работе, о близкой победе большевиков.

— Та и як воно может бути, щоб мы не поборо-
лы, колы з нами Ленин! Ле-енин! — Ковтун зажму-
рил глаза, будто увидел перед собою нечто необъят-
ное, и покачал головой. Потом опять открыл и тихо
повторил: — Ленин!

На другой день, когда Лёнька вернулся с завода, Ковтун спросил:

— Ты, Леонид, дуже заморился?

— Нет, я совсем не уморился.

— Ну, если так, может, пойдёшь с Галею до това-
рища? Ему надо словечко сказать.

— Ладно, — с готовностью согласился Лёнька.

— Придётся вам пройти через весь город, до са-
мого Крепостного переулка, а там в хате, что под
сорок третьим номером, живёт Иванченко Кузьма
Егорыч. Вызовите его и скажите: «Ковтун велел по-
койника хоронить».

У Лёньки вытянулось лицо.

«Вот так словечко!» — подумал он, но расспраши-
вать не стал.

— Пошли, Галя! — сказал он.

В узеньком Крепостном переулке они без труда
нашли сорок третий номер и заглянули в окно хаты,
ожидая увидеть зажжённые свечи и покойника на
столе. Но ни свечей, ни покойника в комнате не было.
На стук Лёньки из калитки вышел плечистый муж-
чина с бритым рябоватым лицом и вопросительно по-
смотрел на ребят.

— Иванченко Кузьма Егорыч здесь живёт? —
спросил Лёнька.

— Я и есть Кузьма Егорыч, — ответил мужчина.

Когда Лёнька передал, что велел Ковтун, мужчи-
на посмотрел на небо, с которого накрапывал дождь,
подумал и сказал:

— Входите.

Во дворе он оставил ребят сидеть на лавочке под навесом, а сам вышел на улицу. Минут через десять во двор въехала телега и вошли несколько мужчин. Затем вернулся и хозяин. Все они направились в сарайчик, повозились там и вынесли закрытый гроб. Гроб поставили на телегу и засыпали сверху соломой.

— Трогай! — сказал Иванченко.

Один из мужчин сел на телегу и поехал со двора.

Из хаты вышла женщина, тревожно посмотрела вслед телеге и что-то тихо сказала Иванченко.

— Ладно, — ответил тот, — и так будет хорошо. Ну, товарищи, выходите порознь, а на углу Перевозного все сойдёмся. Я пойду вперёд с ребяташками. Айда!

Лёнька и Галя последовали за Иванченко. Остальные, выйдя поодиночке, двигались неподалёку друг от друга.

— Зачем гроб соломой закрыли? — робко спросил Лёнька.

— А чтоб покойник не простудился, — ответил Иванченко.

Проехав несколько узеньких улочек, телега остановилась. Ни впереди, ни позади не было видно прохожих. Иванченко и подошедшие мужчины быстро сгребли с телеги солому. Один из мужчин вытащил из-под полы икону и пошёл впереди телеги. Остальные сгучились сзади. Похоронная процессия повернула в Перевозный переулок.

— А зачем теперь солому сняли? — опять спросил Лёнька.

— А затем, что покойнику жарко стало, — всё так же серьёзно ответил Иванченко. Помолчав, он сказал: — Прикрыли для того, чтобы соседи не видели. Начнут спрашивать, кого хороню, да отчего умер, да долго ли болел... А я, понимаешь, человек неразговорчивый. Теперь же отъехали достаточно.

— А кого вы хороните? — не отставал Лёнька.

— Ну вот, и ты тоже с расспросами! Дядю Максима хороню, вот кого. Иди себе и крестись, а то и поплачь, если сможешь.

Лёньке вовсе не хотелось плакать, и он попробовал взвалить это на девочку.

— Плачь, — сказал он, толкнув Галю локтем.

— Да не сейчас. А вот когда покажется кто из военных, тогда и плачьте.

Это Лёньке не было понятно, но расспрашивать он уже не решился.

Смеркалось, когда подошли к главной улице. По ней шла офицерская рота.

— Рота, стой! — скомандовал черноусый капитан, чтобы пропустить похоронную процессию.

«Хрум-хрум», — ответила рота двумя согласными ударами сапог о мостовую и замерла.

Иванченко сказал:

— Вот какая честь нашему покойнику! Целая рота офицеров дорогу уступила.

Один из провожавших засмеялся, но Иванченко тотчас же его оборвал:

— Эй, это не годится! Ты на похоронах, а не на свадьбе.

В сумерках подошли к кладбищенским воротам. Иванченко вошёл в калитку и спустя минуту вернулся в сопровождении горбатого человека со связкой ключей в руках.

— Принимай, Фомич, покойника, — сказал Иванченко.

Гроб сняли с телеги и понесли на кладбище. Сторож тотчас же запер калитку и пошёл впереди, позвякивая ключами.

— Пойдите здесь, — сказал Иванченко ребятам. — Мы скоро вернёмся.

Лёня и Галя остались вблизи ворот. В сгустившихся сумерках белели надгробные камни и крылатые ангелы печально склоняли головы к могилам. Сквозь оголённые ветви деревьев чернели, точно

мрачные монахи, мраморные кресты. Глубокая тишина нарушалась лишь слабым скрипом гравия под ногами нёсших гроб. Затем замерли и эти звуки.

— Тоскливо, — шёпотом сказала Галя озираясь.

— Ничего, ты не бойся, — подбодрил её Лёнька.

— Я не боюсь, только тоскливо...

Взявшись за руки, они побежали по аллее до ворот.

Иванченко и его товарищи стояли в нескольких саженях перед остроконечным мавзолеем из серого, заросшего мхом камня. Гроб был опущен на землю. Горбатый сторож возился у железных ржавых дверей. Послышался скрежет отодвигаемого засова. Люди подняли гроб и скрылись в склепе...

Было уже совсем темно, когда Лёня и Галя, усталые, продрогшие, вернулись домой. Ковтун молча слушал их рассказ, щурился и посмеивался в усы.

— Батя, а кто же это помер у того, рябого? Правда, что дядя Максим? — спросила Галя.

Она, как и Лёнька, не особенно поверила разъяснениям Иванченко.

— Никто не помер, — сказал Ковтун. — А что вы похоронили Максима, это правда.

Так ребята и не узнали, за чьим гробом шли.

„Завтра в двенадцать“

Почти каждый вечер к Ковтуну приходили рабочие. Они осторожно стучали в дверь. На вопрос Гали или Лёньки вполголоса произносили условленную фразу и проходили к Ковтуну за перегородку. Там он расспрашивал их о заводе, о том, как идёт подготовка к вооружённому выступлению.

Ненависть рабочих к белогвардейщине нарастала. Склады военной амуниции, к которым, казалось, не было никакого доступа, вдруг вспыхивали, озаряя небо багровым светом; поезда, гружённые снарядами

и патронами, сходили с рельсов и с тяжким грохотом валились под откос; заводские агрегаты то и дело ломались и надолго выбывали из строя.

Ковтун слушал, что рассказывали рабочие, и кивал головой:

— Добре! Ото добре!

Чаще других приходил Иванченко. Шагая через комнату к Ковтуну, он многозначительно подмигивал ребятам:

— Ну как? Пойдём ещё хоронить покойника?

Приходил и Степаныч. Его всегда поджидали у калитки Лёнька и Галя. Только узнав от них, что поблизости нет подозрительных людей, Степаныч входил в хату. Ребята же, сменяя друг друга, продолжали дежурить на улице. Ноябрьская слякоть кончилась, выпал снег и заскрипел под ногами. От одного поворота улицы до другого Лёнька лихо мчался на коньках. И никто не подумал бы, что этот мальчишка зорко следит за каждым прохожим.

Однажды со Степанычем пришли ещё двое мужчин. В одном из них, худеньком и остроносом, Лёнька узнал слесаря Каменского из инструментального цеха, другого также встречал на заводе.

Когда они вошли в хату, там уже сидел Иванченко. Много людей на совещание ещё не пришло, и дозор был усилен Ваней. Мороз лютел. Ребята, худо одетые, по очереди ходили в хату греться. Они знали, что заседает подпольный комитет, и слушали, не скрывая любопытства.

Было решено, что оба завода выступают в один и тот же час. К этому часу Ковтун выйдет из подполья, явится на металлургический завод и с красным знаменем в руках поднимется на загрузочную площадку домы. Это и будет зна́ком к восстанию. Поднять знамя на снарядном заводе поручили Каменскому. Он встал и поклонился:

— Спасибо, товарищи, за честь!

Когда все разошлись, Ковтун сказал помолодевшим голосом:

— Ну, Акимовна, скоро конец моему томленью: выхожу на волю! — и обеими руками молодецки расправил усы.

В газетах перестали печатать сводки о положении на фронтах. На север и с севера шли только воинские поезда. Люди рассказывали, что в сорока верстах от города слышен орудийный гул.

Ковтун подходил к окну и долго смотрел сквозь зелень герани на улицу. Он то посылал Галю на Сенной базар послушать, о чём говорят в народе, то допрашивал Лёньку, не заметно ли по лицам заводского начальства, что дела белых на фронте плохи. Наконец пришла долгожданная весть. Принесла её всё та же женщина, с которой Лёнька уже трижды встречался. Ковтун, услышав в сенях её голос, бросился навстречу:

— Что? Ну что? Где наши?

— Сейчас, сейчас! — говорила женщина, разматывая платок. — Сейчас всё узнаешь.

— Ой, Ольга Андреевна, да не томи ж ты меня! Когда?

— Завтра в двенадцать.

— Завтра?.. Дай же я тебя расцелую, чернявочка ты моя гарнесенька!

Ольга Андреевна торопилась. Ей ещё надо было побывать у товарищей в разных концах города. Она быстро рассказала, где идут бои и в какое время, по мнению командования Красной Армии, надо выступить рабочим, чтобы ослабить тыл белых.

— Как ты думаешь, — спросил Ковтун, — сбрить усы или не надо? Без усов, может, шпик меня и не узнает.

— Конечно, сбрить. Не понимаю, над чем тут размышлять!

— Да жалко ж! — сказал Ковтун и прикрыл усы руками, точно увидел перед собой лезвие бритвы.

За красное знамя

Сторож в проходной будке услышал робкий стук и выглянул в «глазок». Перед калиткой стояла смуглая девочка, без платка, в коротеньком расстёгнутом пальтишке. Худенькое тело её дрожало.

— Что такое? Что тебе? — спросил сторож, открывая калитку.

Девочка сложила красные от мороза руки на груди и голосом робкой мольбы сказала:

— Дедушка, родненький, вызовите Лёньку из конторы, хлопца-рассыльного!

— Лёньку? Вот уж не знаю, где его искать! Он бегают по всему заводу.

— Дедушка, поищите его, родненький, поищите!

Губы девочки задрожали, по лицу покатались слёзы.

— Ладно уж, — сказал сторож.

Лёньку он нашёл в конторе.

— Что такое? Зачем ты здесь? — испуганно крикнул мальчик, увидя Галю в слезах.

Галя бросилась к нему:

— Забрали!.. Батьку забрали и маму твою... Двери выломали и забрали...

Лёнька заметался на месте, не зная, что предпринять. Затем крикнул: «Жди здесь!» — и побежал на завод. Через минуту он уже рассказал Ване о случившемся, и они вместе понеслись в инструментальный.

— Так, — сказал Каменский, выслушав ребят. — Вынюхали, значит, гады! Надо на металлургию дать знать поскорей. Пусть знамя поднимет Иванченко, если уж Ковтуну не судьба... — Он вынул часы: — Сорок минут осталось. Маловато! — Затем остро взглянул на взволнованные лица ребят: — Может, успеете?

— Ну да, а то как же! — в один голос ответили они.

— Ну, скачите! Иванченко в листопрокатном цехе. Спросите, там каждый его знает. Скажите ему, чтоб знамя подняли в двенадцать, как условились.

Ребята помчались к калитке. По пути Лёнька зашёл в главную контору, сорвал с вешалки шапку секретаря завода и скрылся, оставив швейцара с раскрытым от удивления ртом.

Рассекая воздух, впереди бежал крепыш Ваня, за ним — Галя в секретарской шапке, за Галей — Лёня.

Мелькали телеграфные столбы, стволы деревьев, киоски. Из-под ворот выскакивали собаки и бросались под ноги. Скорей! Вот и Парадная площадь. Золотые стрелки на соборных часах показывают без двадцати двенадцать.

Скорей! Скорей! Рябит в глазах от железной решётки городского парка. Мелькнул и исчез каменный столб шлагбаума. Из-под ног вспорхнула стайка воробьёв. Скорей! Вот и Почтовая улица. Впереди высится огромная домна. Кажется, близко, а на самом деле больше версты. Сердце готово выпрыгнуть из груди, от ветра захватывает дух. Скорей!!!

— Берегись! — раздаётся позади бегущих.

Их обгоняет золотистый рысак, впряжённый в сверкающий чёрным лаком экипаж. В экипаже — седусый мужчина в инженерской фуражке.

«На завод», — мелькнуло в голове у Лёньки.

Скачок — и он уже на задней оси.

Когда сторож открыл ворота, чтобы пропустить экипаж, то увидел, что на оси экипажа сидит мальчишка. Сторож схватил его за ворот.

— Подожди, дед, — остановил старика Иванченко: он подошёл в это время к воротам, чтобы встретить Ковтуна. — Кажется, паренёк свой. Так и есть. Ты как сюда попал, Мышонок?

— Я... мы... — начал было Лёнька, но почувствовал вдруг страшную слабость в ногах, сел на землю и закрыл глаза.

Встревоженный, Иванченко подхватил его под мышки и поставил на ноги. Лёнька открыл глаза и виновато улыбнулся:

— Уморился немножко... Ковтуна забрали... Каменский сказал, чтоб вы сами знамя подняли... чтоб в двенадцать... Я сяду немножко.

— Садись, садись, — заторопился Иванченко. — Вот сюда садись.

Он повёл мальчика к скамье и быстро удалился.

Сторож вынес из своей будки свитку и заботливо укутал Лёньку.

— Сейчас начнётся, — сказал он. — Возле каждого цеха дозорные стоят, сигнала ждут. Сейчас начнётся.

Из-за угла вышел Иванченко. В руках он держал длинное древко, завёрнутое в бумагу. В нескольких шагах от него шли двое рабочих. Иванченко издали кивнул головой Лёньке и скрылся за кучей железной руды.

— Пошли, — сказал сторож. — Начинается! Я, парень, знаю. А ты думал что? Эге-е! Иванченко мне доверяет... Мы с ним ещё в пятом годе...

Старик и мальчик подались вперёд и смотрели на домну, которая чёрной громадой высилась над зданиями завода.

— Поднимается!

Медленно, точно испытывая прочность каждой ступеньки, Иванченко продвигался всё выше и выше по лестнице. Вот он исчез за какой-то железной конструкцией, вот опять показалась его голова, плечи. На секунду он приостановился, переложил древко из одной руки в другую и опять исчез. Вдруг над загрузочной площадкой взметнулось вверх и затрепетало красное полотнище. В тот же момент всё задрожало от густого заводского гудка.

— Началось! — сказал сторож. — Ну, в добрый час. Пойду открыть ворота — сейчас народ повалит.

Забыв всё на свете, Лёнька смотрел на огненное

знамя. С тех пор как комитетчики решили поднять восстание, три ночи подряд снилось ему это знамя, и вот теперь, не во сне, а «взаправду», оно бьётся, трепещет, плывёт в бледно-голубом небе.

— Как пожар!

Лёнька поворачивает голову и видит рядом с собой Галю. Из-под котиковой шапки выбились пряди волос; карие глаза, из которых ещё недавно сыпались слёзы, лучатся радостью. Рядом с Галей стоит Ваня и неотрывно смотрит на знамя.

Вдруг дверь караульного помещения с визгом распахнулась. Вахмистр и четыре стражника один за другим выскочили во двор. Застёгивая на ходу ремни, они побежали за насыпь. В одну минуту ребята оказались на её гребне.

У входа на лестницу, по которой только что поднялся Иванченко, плечом к плечу стояли двое рабочих. Один из них, увидев бегущих стражников, быстро поднял вверх руку. В руке блеснуло что-то круглое, похожее на мячик. Стражники сразу остановились, точно наскочили на туго натянутую верёвку.

— Сделаете один шаг — брошу, — спокойно сказал рабочий.

— Как ты смеешь, негодяй! — взревел вахмистр. — Взять его, взять!

Он выхватил из кобуры наган и бросился вперёд, увлекая за собой стражников. «Мячик» отделился от руки, описал в воздухе кривую и упал на землю.

У ребят зазвенело в ушах. Один из стражников схватился руками за живот и повалился на бок, другой грузно сел в снег и замотал головой.

Вахмистр выстрелил. Рабочий упал. Стражники ринулись к лестнице. Другой рабочий быстро поднялся на несколько ступенек вверх, повернулся лицом к нападающим и тоже выстрелил. Упал и третий стражник. В тот же миг вахмистр взмахнул шашкой. Рабочий выпустил наган и повалился вниз.

Но только вахмистр шагнул на первую ступеньку,

как сзади раздался пронзительный, гневный, отчаянный крик. Вахмистр обернулся. С насыпи нёсся худенький мальчишка в картузе по самый нос. Не успел вахмистр сообразить, в чём дело, как мальчишка вскочил ему на спину и вцепился руками в горло. Вахмистр быстро повернулся и протянул назад руки, чтобы стащить это цепкое существо. Но тут какая-то девчонка, черноволосая и растрёпанная, подскочила, схватила вахмистра двумя руками за волосы и повисла спереди.

— Стра... стра... стражник!.. — прохрипел вахмистр, кружась на месте.

Но стражнику было не до начальства. На его спине висел Ваня Сычѳв и изо всех сил молотил кулаком по черепу.

Тогда вахмистр упал на снег и стал перекатываться, подминая под себя то Галю, то Лѳньку. Наконец ему удалось освободиться. Секунду он смотрел на Лѳньку воспалѳнными глазами. Вдруг нагнулся к земле, схватил наган за дуло и раз за разом стал бить Лѳньку рукояткой по голове.

Снег в красных пятнах, Галя, офицер и множество бегущих к ним людей взметнулись вверх и исчезли. В тѳмном, как уголь, пространстве, с бешеной быстротой завертелся огненный круг, рассыпался миллиардом искр и потух.

Оцепенев, молча смотрела Галя, как быстро расплывалось на снегу красное пятно вокруг русой Лѳнькиной головы.

Пробуждение

В синем прозрачном воздухе кружится чѳрная птица. Длинные острые крылья еѳ распахнуты и неподвижны, из раскрытого клюва высунулось жало. Когда она пролетает над Лѳнькой, жало, как гвоздь, впивается ему в голову.

«Это змея, — думает Лёнька. — Она нарядилась в птичье платье, чтоб её не узнали».

Каждый раз, когда птица приближается, Лёнька со страшным напряжением сжимает кулак и ударяет им в её остро изогнутую грудь. Но кулак, точно сделанный из ваты, мягко и бессильно прикасается к птице, не причиняя ей вреда.

Вдруг птица исчезла, воздух из синего сделался золотисто-жёлтым. У окна, спиной к Лёньке, стоит мама. А на стуле, вся в белом, неподвижно сидит черноволосая девочка и смотрит на Лёньку.

— Галя, — говорит Лёнька и хочет подняться, но на голову вдруг обрушивается огромная чёрная глыба земли.

И опять в тёмно-синем воздухе кружится птица-змея, и опять Лёнька мучительно напрягается и бьёт её в грудь бессильным, ватным кулаком.

Однажды, открыв глаза, Лёнька видит, что какой-то мужчина в гимнастёрке с ремнями наперекрест сидит у кровати на стуле и что-то пишет на планшете. Лёня всматривается в такие знакомые и в то же время неуловимо изменившиеся черты родного лица.

— Сеня!.. — тихо позвал он. — Это ты?

Мужчина нагнул и поцеловал Лёньку в губы.

В этот день в палате побывали все комитетчики. Уже в дверях каждый улыбался и кивал Лёньке головой, затем подходил к нему и, как взрослому, пожимал руку.

Ковтун и Иванченко пришли вдвоём. Разглаживая усы, которые он так и не успел сбрить, Ковтун говорил:

— Ну и детки же! И что оно будет, как они повьрастают! Ох, и дадут же они перцу нашим вóрогам!

Когда товарищи поднялись, чтобы уходить, Лёнька спросил:

— Дядя, а кто же тот покойник, которого мы хоронили?

Иванченко ухмыльнулся:

— Это которому офицерская рота дорогу уступила? Я ж тебе ещё тогда сказал, что дядя Максим. Самый обыкновенный пулемёт-максимка. Ты же пойми, Лёня: каждую ночь обыски, сегодня у одних, завтра у других. А оружие почти в каждом дворе припасено. Вот мы и спрятали его.

Но одного посещения мальчик никак не ожидал: утром следующего дня в палату пришёл сам токарь Лабутин.

— Вот, — сказал он, усаживаясь на стул, — проведать тебя пришёл. Н-да... То ты ко мне приходил, теперь я к тебе, н-да... Лежать долго будешь?

— Не знаю, — сказал Лёнька, радостно улыбаясь. — Наверно, скоро встану.

— Здорово он тебя, вахмистр этот... Ну, да и мы им в тот день дали. Кто уцелел, верно, и сейчас чешется. Н-да... Теперь город наш. И завод тоже наш. А за директора Каменский теперь... О деле с тобой можно говорить? Как, доктор разрешает?

— О деле?! — удивился Лёнька.

— Дело небольшое, а всё ж таки дело. Приходил ко мне друг твой, Ваня Сычёв. Очень сокрушался: обманывал он тебя, а теперь неловко ему. Смекаешь, в чём дело?

— Нет.

— Зажигалку он тебе обещал?

— Обещал.

— Ну, а сделать он её не может, квалификацией не вышел, н-да... Вот и пришёл ко мне просить: «Сделай, дядя Лабутин, Лёньке зажигалку. Очень он интересуется ею». А я ему и говорю: «Во-первых, про зажигалку теперь забыть надо, не те у нас задачи, чтоб зажигалки делать. А главное — ты своего друга не знаешь. Не зажигалка ему интересна, а то, как она, эта зажигалка, делается. Мастерство ему наше интересно, вот что». Правильно я ему ответил?

— Правильно, дядя Лабутин.

— Да уж я знаю. Даром, что ли, ты с моих рук

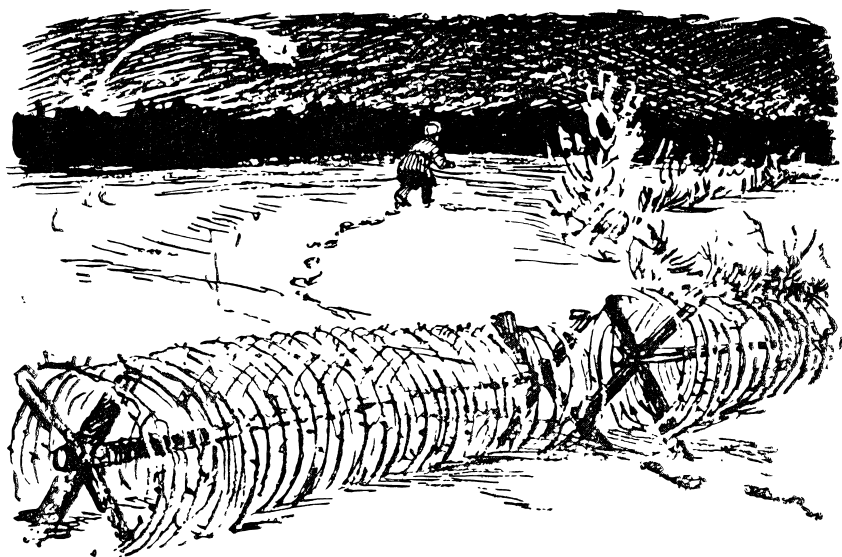
не сводил глаз! Сам был такой, понимаю... Так вот какое дело: назначил товарищ Каменский меня главным над учениками и личный приказ дал, чтоб я тебя зачислил первым учеником. Вот я пришёл тебе сказать: скорей поправляйся да приходи учиться. Такого из тебя лекальщика сделаю, что на всём заводе не сыщешь, н-да!.. Ну, а зажигалку я всё-таки принёс. На-ка, получай, пригодится в хозяйстве.

И Лабутин вложил в руку мальчика блестящий предмет.

На никелированной поверхности миниатюрного снаряда восхищённый Лёнька прочитал:

Т-щу Гармашову Лёне
за преданность рабочему классу
от токаря
Лабутина Тимофея Кирилловича

ПРИКАЗ КОМАНДИРА

Круглый стол без скатерти. На столе — блюдо с постным маслом и фитильком на краешке. Робкий свет золотит, как ризу, рыжую бородку тракториста Нестерчука и тонет в серых волосах дяди Серёжи. Расправляя шершавой ладонью на столе листок бумаги в клетку (вырван из Гришуткиной тетради), дядя тихонько, с хрипотой от сдерживаемого волнения шепчет:

— Вот тут, в ложбинке, одних только шестиствольных семь штук, а пулемёты и в избе Гаврюка, и на чердаке мельницы, и на силосной башне. Вот, видишь? Где крестики — это пулемёты, а миномёты я кружочками обозначил. Картина ясная. Одно только: как эту картину переслать нашим?

— Да-а, задача!.. — шепчет в ответ Нестерчук и вздыхает.

От вздоха огонёк мечется по краю блюдца и коптит.

— Я пойду, — говорит Дарьюшка из тёмного угла, где она на ощупь вяжет Гришутке варежки — Мужчин немцы ни за что не пропустят, а бабу, может, и не тронут.

— Всё едино, — тускло отвечает дядя Серёжа. — Они ни мужикам, ни бабам веры не дают. Придётся, Никита Петрович, нам самим пробиваться. Ты — в один конец села, я — в другой. Может, хоть один прорвётся.

У Гришутки сердце стучит так, что в висках отдаёт. Он боится, что его и слушать не захотят, а между тем это так просто.

— Дядя Серёжа, — задыхаясь, жарко шепчет он, привстав с кровати, — вы только послушайте... Только послушайте... Я от Шилкиного двора пойду... Будто на салазках катаюсь. С горки вниз слечу — и по реке. Я же скорей всех добегу, вот увидите!..

Все поворачивают к нему головы. Думали, спит, а он, видишь ты, слушает.

С кровати на дядю Серёжу смотрят большие, ставшие вдруг блестящими глаза.

«Как загорелся!» — думает дядя Серёжа с усмешкой. И предостерегающе говорит:

— Убьют.

— Не убьют, дядя Серёжа! — всё так же жарко шепчет Гришутка. — Не убьют: я — маленький.

— Они и маленьких убивают.

— Не попадут, дядя Серёжа: я — быстрый.

Дядя задумывается, смотрит, сощурясь, на огонёк и медленно, как бы про себя, говорит:

— Это надо обмозговать.

— Ты что, очумел? — вскакивает Дарьюшка. — Отца повесили, мать замёрзла, так и дитя туда же?!

— А ты не горячись, — спокойно отвечает дядя. — Я говорю: надо обмозговать, а не так просто...

Капитан Татишвили отмечал на карте только что полученные донесения разведки, когда в избу вошёл дежурный:

— Мальчишка тут один до вас домогается. Требуется: к самому главному.

— А ну их! — отмахнулся капитан. — Отбоя нет от этих юных добровольцев.

— Оно так, — усмехнулся дежурный. — Только этот с чем-то другим. Говорит, из Ивановки он.

— Из Ивановки? — насторожился капитан. — Давно?

— Ночью этой.

— Тогда зови! Зови его сюда!

Но Гришутка уже входил. Не говоря ни слова, он сел посреди избы прямо на глиняный пол и принялся стаскивать с ноги валенок.

— Ты что разубаешься? — удивился капитан. — Баня тебе тут, что ли?

Гришутка стащил валенок и, доставая из него листок в клетку, сказал:

— Дис... как её?.. дис-ло-кация. Крестик — пулемёт, кружочек — миномёт, а квадратики — пушки.

— Кто тебе дал? — бросаясь к бумажке, крикнул капитан.

Гришутка вытер рукавом нос, вздохнул и печально ответил:

— Дядя Серёжа! Его немцы убили. А в меня не попали.

Прошло три месяца. Отгремели орудия у села Ивановки; бурьяном заросла длинная могила фашистов на краю села; алым пламенем зажглись красные гвоздики на могиле бесстрашного партизана, отца Гришутки, — а сам Гришутка всё шёл и шёл со своим батальоном. Не захотел оставаться он в родной Ивановке, где больше никого не осталось из близких ему.

— Кто тебе дал? — бросаясь к бумажке, крикнул капитан.

Он пробирался к врагам в тыл и ходил из деревни в деревню, будто в поисках своих родителей: ко всему прислушивался, ко всему присматривался и всё подсчитывал.

Гришутку любили, но больше всех привязался к нему сам командир батальона, капитан Лео Татишвили. Они спали в одной палатке и ели за одним столом. Командир был с Гришуткой немногословен и не очень ласков. Нередко, слушая рассказ Гришутки о том, как он чуть-чуть не попался фрицам в лапы, капитан говорил:

— Кончено. Хватит. В ближайшем же городе отдам тебя в детский дом.

Гришутка упрямо качал головой:

— В детский до-ом!..

— Да ведь убьют тебя, чудак!

— Не убьют, — отвечал уверенно Гришутка теми же словами, что и дяде Серёже. — Не убьют: я — маленький.

— И кроме того, тебе учиться надо. Ты вот даже как следует не знаешь таблицы умножения.

— Ну... — Затрудняясь, что ответить, Гришутка морщил лоб, но потом находилась: — Про таблицу я у лейтенантов спрошу.

Жили они, как настоящие мужчины: не обнажая своей души. Но каждый знал друг о друге его тайну. Проснувшись ночью, Гришутка видел, что капитан сидит за столом и что-то пишет. Пишет, пишет — и посмотрит на стол. А на столе, прислонённая к фляжке, стоит фотографическая карточка. Свет огарка тепло озаряет лицо женщины — тонкий нос с горбинкой и глаза, смотрящие прямо в душу. Хорошие глаза... К утру карточка исчезала, и Гришутке казалось, что женщину с ласковыми глазами он видел только во сне.

Знал и капитан, к кому тянулась Гришуткина душа, когда сон приглушал в ней всё наносное и оживлял её детский мир. Не раз видел ночью капитан, как,

разметавшись в своей постели, Гришутка открывал затуманенные сном глаза и невнятно звал:

— Мама!..

Однажды Гришутка вернулся с разведки с бледным лицом. Левый рукав его был в засохшей рыжей крови.

— Ну что, не попадут?! — набросился на него капитан.

Он схватил притихшего мальчика на руки и сам отвёз его на машине в госпиталь.

Через две недели мальчик опять был в своей части, и только сухой блеск в глазах говорил о недавней смертельной опасности и пережитой боли.

Капитан сказал:

— Завтра ты отправишься с важным поручением.

— Есть! — ответил Гришутка, вытягиваясь по военному.

Ночью капитан писал что-то, а утром вручил Гришутке пакет:

— Спрячь это хорошенько. Сейчас тебя отвезут на станцию. Ты поедешь по железной дороге, разыщешь, кому посылается этот пакет, и вручишь.

— Есть! — повторил Гришутка.

— Там ты получишь новый приказ и выполнишь его с точностью, как подобает военному человеку.

— Есть! — опять сказал Гришутка.

Капитан прошёлся по комнате, потом резко повернулся на каблуках и раздельно, точно отдавая команду, прокричал:

— Командировка длительная! Встретимся не скоро! Но встретимся. И будем опять вместе.

— Есть! — в последний раз сказал Гришутка, не решаясь поднять руку к лицу, по которому текли слёзы.

В приказе командира он смутно чувствовал что-то такое, что навсегда разлучит его с батальоном и, может быть, с самим командиром.

Ехал Гришутка долго. Из окна вагона он видел и беспредельные степи, покрытые золотой пшеницей, и тёмные леса, и тихие полноводные реки, и голубые просторы моря, и высокие, сверкающие снеговыми вершинами горы. А до того Гришутка и не знал, какая она большая и красивая — эта самая Родина, ради которой бойцы батальона бросались на железо и бетон немецких укреплений.

Только на тринадцатый день приехал Гришутка к городу, который значился в его командировочном листке. Вышел на площадь, осмотрелся. Ну и город! Туда и сюда бегают по рельсам маленькие вагоны, но без паровоза, набитые людьми. Бесшумно катятся большущие голубые автомобили, зачем-то привязанные вверху к проводам. На маленьком, как телёнок, ослике едет верхом взрослый человек и неистово кричит что-то.

Гришутка шёл по гладкой, как пол, улице; по одну сторону её тянулись великолепные дома, по другую высились серые дикие скалы.

Найдя дом, указанный на пакете, Гришутка поднялся по лестнице и постучал в дверь. Вышла женщина, как будто ещё не старая, но уже совсем седая.

— Кетаван здесь живёт? — спросил Гришутка.

— Здесь, — ответила женщина, с недоумением рассматривая маленького запылённого красноармейца со скаткой шинели через плечо и вещевым мешком за спиной.

— Пакет ему от капитана Татишвили.

Женщина взмахнула руками, будто хотела схватиться за голову, ахнула и, выхватив из рук Гришутки пакет, убежала.

Гришутка стоял у раскрытой двери и с досадой думал:

«Они все такие, женщины: не понимают дисциплины. Ведь ясно было сказано: отдать самому Кетавану. Нет, схватила и убежала».

Он перешагнул порог и остановился на чистом, блестящем паркете: в пыльных сапогах идти дальше было неловко.

В соседней комнате кто-то вскрикнул — не то в испуге, не то удивлённо. Распахнулась портьера, и на пороге показалась высокая стройная женщина с белым, как из мрамора, лицом.

— Гришутка! — вскрикнула она, как давно знакомому. — Так вот ты какой! О, мне Лео всегда писал о тебе!

— А где же Кетаван? — с тревогой за пакет спросил Гришутка.

— Кетаван? — Женщина засмеялась. — Я и есть Кетаван.

Гришутка думал, что Кетаван — мужчина, и с недоверием взглянул на хозяйку.

— Вот, — сказала она, подавая записку, — это было в пакете. Для тебя.

«Приказ», — догадался Гришутка.

Он развернул записку и медленно прочёл:

«Гришутка, приказываю тебе оставаться в доме моей невесты Кетаван, почитать её, как мать, и ждать моего возвращения. С осени ты поступишь в школу и будешь учиться отлично, как подобает военному человеку. Когда война кончится и я вернусь, то лично проверю, как усвоил ты таблицу умножения и все другие науки.

*Твой отец и командир
Лео Татишвили».*

Гришутка вспомнил просторы исхоженных полей, дружную жизнь с красноармейцами в батальоне, громкие и уже не пугавшие раскаты орудий — и ему показалось, что стены комнаты сдвинулись и тесно обступили его со всех сторон.

Угадывая чувства мальчика, Кетаван заговорила:

— Ты не бойся, Мы будем ходить в горы, даже охотиться. Ведь ты останешься, правда?

И, видя растерянность на лице мальчика, добавила как последний довод:

— К тому же — приказ командира. А ты человек военный... Ну, раздевайся.

Гришутка поднял голову. С белого лица на него смотрели большие ласковые глаза. Хорошие глаза.

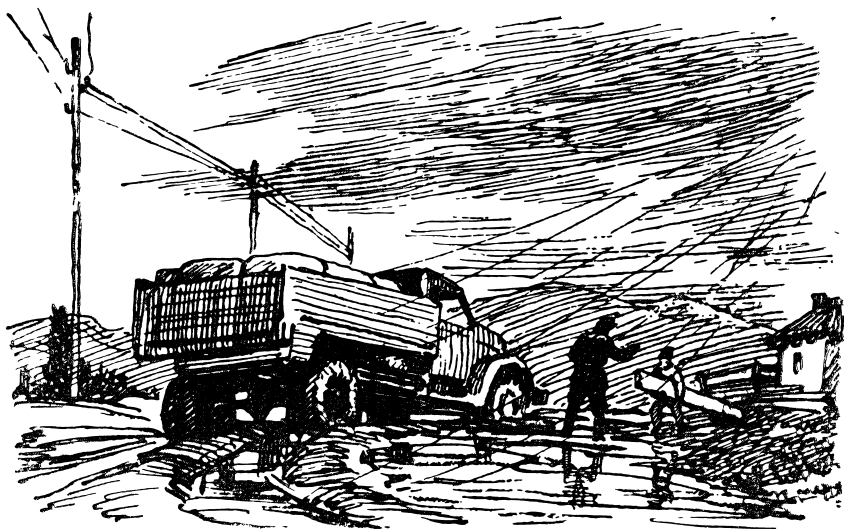
И то, что он увидел в их глубине, со сладкой болью воскресило в нём самое лучшее, что знал он в жизни: ласку матери.

— Ведь ты не уйдёшь, нет? — настойчиво повторяла Кетаван.

— Нет, — тихо сказал Гришутка, подавляя вздох.

И не спеша стал снимать с плеч вещевой мешок.

ПОЛОТЕНЦЕ

Однажды после сильного дождя близ дома, где жил Асхат с матерью, остановился грузовик. Мотор ревел и стучал, как иступлённый, колёса бешено вертелись, струёй выбрасывая жидкую грязь, но гружённая чем-то тяжёлым машина только мелко дрожала, не будучи в состоянии выбраться из глубокой рывины.

Через стекло кабинки, по которому стекала вода, Асхат видел широкое лицо, короткий нос и белые большие зубы. Шофёр что-то кричал — вероятно, ругался, но за шумом мотора голоса его слышно не было.

Наконец мотор умолк. Распахнув дверцу, шофёр сердито закричал:

— Ну, чего стоишь! Тащи доску! Живо!

Мальчик бросился к плетню, где лежал заготовленный для стройки лес. В порыве усердия он приподнял сразу две доски. Тащить их было тяжело, и на третьем шагу, поскользнувшись, Асхат шлёпнулся в грязь. Доски, падая, больно ударили Асхата по ноге, но, вскочив, он опять схватился за свою ношу.

— Одну, одну! — закричал шофёр.

Когда Асхат подбежал к машине, лицо шофёра уже не было сердито. Он улыбался и, улыбаясь, говорил:

— Муравей! Честное слово, муравей! Сам маленький, а смотри какую махину тащит!

Взяв из рук мальчика доску, он сунул её под скат и опять полез в кабинку. Машина заурчала, застучала и медленно поползла из ямы. Шофёр заглушил мотор, посмотрел на потемневшее небо:

— Ну, как тут ехать! На каждом шагу ямы.

— Дядя, — сказал Асхат, — вон туда! Видите? Все наши, как дорогу размочет, едут туда. Я покажу, хотите?

Шофёр недоверчиво посмотрел в сторону, куда показывал мальчик, потом опять взглянул на дорогу, подумал и решительно сказал:

— Садись!

В одну секунду Асхат оказался на кожаной подушке рядом с шофёром. В нос ударил запах бензина. От мотора шло тепло. Машина заурчала и, переваливаясь с боку на бок, как корабль в море, поплыла по ухабистой, размытой дороге.

Выбрались на край села и по полю, с которого недавно сняли кукурузу, поехали к смутно видневшемуся вдаль пригорку.

Пригорок приближался с каждой минутой, но ещё быстрее сгущались сумерки, и, когда выехали на дорогу, тьма плотно облегла землю.

— А теперь что делать? — как бы самого себя

спросил шофёр, снова остановив машину. — Тут же опять ямы.

— А по бокам овраги, — в тон ему добавил Асхат.

— Точно. Так спикуруешь, что и костей не соберёшь.

Теперь, когда мотор утих, орудийная пальба слышалась совсем близко. К глухим ударам, от которых вздрагивала земля, то и дело примешивались другие звуки: то дробные и частые, как бы догонявшие друг друга, то хриплые и протяжные. На небе вспыхивал багровый свет и, испуганно задрожав, погасал.

Склонив голову к рулю, шофёр молчал.

— Дядя, — почему-то шёпотом спросил Асхат, — далеко до фронта?

— В том-то и дело, что близко. Кабы далеко, я б фары зажёл. А тут с фарами ехать нельзя. Он, фашист, за каждым огоньком следит.

— А вы до утра, дядя, подождите, — посоветовал Асхат. — И я с вами посижу.

Шофёр усмехнулся:

— В такой компании чего б не посидеть! Да только снаряды в другом месте ждут.

— А тут снаряды? — даже привскочил на сиденье Асхат.

— А ты думал, горшки с кислым молоком? — Шофёр вздохнул: — Ну, слезай, шагай домой. А я поплыву. Ничего не поделаешь, придётся понырять в потёмках.

Асхат молча взялся за ручку дверцы и сошёл на подножку. Но на землю не спрыгнул. Переминаясь с ноги на ногу, он о чём-то думал.

— А там, за поворотом, — сказал он наконец, — круча. Спикуруешь — и костей не соберёшь. Точно.

— Да ты что меня пугаешь? — рассердился шофёр. — Качай домой, говорят тебе! Ну!..

Тогда с неожиданной твёрдостью Асхат сказал:

— Вы меня, дядя, не прогоняйте, а дайте лучше полотенце. Я с полотенцем и пойду до фронта.

— Что-о? — протянул шофёр. — Какое такое полотенце?

— Ну, белое... У вас же есть полотенце?

— Да зачем оно тебе? — всё более удивляясь, спросил шофёр.

Если бы мальчик попросил у него пулемёт, противотанковое ружьё или даже пушку, он так бы не изумился, как этой просьбе о полотенце.

— Ты что, собираешься полотенцем фашистов бить, что ли?

— Вот же какой вы непонятливый! — в свою очередь, удивился Асхат. — Я повешу полотенце на спину и пойду вперёд. А вы будете за мной ехать. Вы же увидите полотенце в темноте?

— Ну? — силясь уяснить мысль мальчика, спросил шофёр. И вдруг радостно закричал: — Муравей! Родной мой! Понял! Понял, чёрт меня дер!

Он схватил мальчика за руку, стремительно протянул его к себе и, не находя в темноте губ, поцеловал его прямо в нос.

* * *

Два дня спустя Асхат сидел в своём доме за столом и писал письмо:

«Папа, я привёл на фронт целый грузовик снарядов. А снарядов там оставалось мало, и наши стреляли редко. А как привёл я снаряды, опять стали стрелять часто. И немцы тоже стреляли. Но я не боялся. И командир сказал: «Ты храбрый мальчик». Тогда я сказал: «А мой папа под Ленинградом. Он тоже из пушек бьёт немцев». Тогда командир приказал получше нацелить пушку. А когда пушку нацелили, командир сказал: «Ну, дёргай». И я так дёрнул за шнурок, что всё кругом задрожало. Командир послушал, что ему сказали в телефонную трубку, засмеялся и сказал: «Лёгкая же у тебя, Асхат, рука:

прямо в блиндаж угодил. Молодец! А отцу напиши, что фашист, убитый на Кавказе, на Ленинград уже никогда не пойдёт». И ещё он сказал, что за снаряды мне дадут медаль. А чтоб никто не думал, что я только хвастаюсь, будто медаль моя, мне дадут маленькую красную книжечку и в ней напишут, что медаль и в самом деле моя».

ГЕРАСЬКИНА ОШИБКА

Гераська не поладил с Анной Ивановной с первой встречи. До летних каникул Гераська учился у Людмилы Семёновны и очень с ней дружил. Людмила Семёновна была учительница молодая, с добрыми карими глазами и певучим голосом. Когда она входила в класс, у Гераськи на душе делалось тепло и уютно. Людмила Семёновна знала, что у лопоухого мальчика с длинными ресницами и плутоватыми глазами не было ни отца, ни матери, и очень его жалела.

Жил Гераська у тётки Луши. Она работала на молочной ферме; из дому уходила до рассвета, возвращалась поздно.

Гераська целыми днями сидел один. Если ему делалось скучно, он забирал книги и отправлялся к Людмиле Семёновне на дом. Учительница проверяла тетради, а Гераська сидел против неё и, высунув от

старания кончик языка, решал задачи. Иногда Людмила Семёновна подходила к Гераське, клала ему на голову руку и через плечо смотрела в тетрадку. Рука у неё была тёплая, мягкая, и Гераське хотелось прижаться к ней щекою.

Когда кончились в школе занятия, Людмила Семёновна уехала в какую-то Лешу, где стояла воинская часть её мужа.

К концу лета Гераська так соскучился по учительнице, что даже написал ей письмо. Впрочем, письмо осталось неотосланным: адреса он не знал, а спросить в школе не догадался.

Утром первого сентября Гераська вычистил ботинки, надел новую рубашку и пошёл в школу. Он думал, что Людмила Семёновна уже приехала и сидит теперь в учительской, звонка ждёт.

Перед дверью с надписью «3-й класс «А» толпились ребята, с которыми Гераська учился до каникул во втором классе. Подошла пожилая женщина, полная, с круглым розовым лицом, и сказала, чтобы ребята стали гуськом. Когда по всей школе весело зазвенел звонок, ребята начали по одному входить в класс, а войдя, бегом бросились занимать места, какие кому больше нравились. Вслед за всеми вошла и пожилая женщина. Она остановилась у стола и сказала:

— Я ваша учительница. Зовут меня Анна Ивановна.

Гераська подумал, что она ошиблась классом, и сказал:

— Нет, наша учительница Людмила Семёновна.

Анна Ивановна посмотрела на Гераську и объяснила:

— Людмила Семёновна больше работать в школе не будет. Она теперь медицинская сестра и работает в полевом госпитале, на фронте.

Это было так неожиданно, что Гераська даже не поверил сразу. Но Анна Ивановна не уходила, а про-

должала стоять и рассказывать так, будто она и на самом деле их учительница.

Когда сомнений больше не оставалось, Гераська решил, что новую учительницу он не любит. Насупившись, он спросил:

— А вы почему на фронт не уехали?

Прерванная в середине речи, Анна Ивановна строго взглянула на него, собираясь, видимо, сделать замечание, но раздумала и улыбнулась:

— Надо ж кому-нибудь и учить, не только лечить.

Она помолчала, обвела класс взглядом и тихо добавила:

— Будет надо, поеду и я.

С этого времени Гераську трудно было узнать: уроков он не учил, в классе баловался, учительнице отвечал дерзко. Он постоянно сравнивал её с Людмилой Семёновной — и ему казалось, что Анна Ивановна ребят не любит, а на фронт идти боится. Дошло дело до того, что Анна Ивановна стала жаловаться на Гераську директору. И Гераську перевели из третьего класса «А» в третий класс «Б».

Война приблизилась к посёлку неожиданно. Сначала прилетел немецкий самолёт. Он сделал несколько кругов, снизился, и от него полетело что-то круглое, серое. Гераська шёл тогда из школы домой. Его вдруг толкнуло чем-то упругим и опрокинуло. Падая, он услышал такой грохот, точно ветер сорвал с дома железную крышу и ударил ею о землю.

Гераська вскочил на ноги, схватил камень и со злобой бросил его в улетающий самолёт.

Лёг Гераська рано и долго не спал, прислушиваясь в темноте, как где-то за посёлком часто и сердито строчил пулемёт. Иногда над самой крышей слышался прерывистый, захлёбывающийся гул вражеского самолёта. Гераське казалось, что это плачет злобное чудовище: оно заблудилось в темноте и мечется, стонет, боясь опуститься на землю.

И первый, кого увидел Гераська, выскочив утром на улицу, был человек в серо-зелёной шинели. В руках его отчаянно билась курица. Одной рукой он держал её за лапки, а другой тщетно пытался схватить за хлопавшие белые крылья.

Вечером тётя Луша поцеловала Гераську в щёку и, сказав, чтобы он берёт избу, вышла, сурово сдвинув брови.

Больше она не возвращалась. Вместе с ней, как говорили в посёлке, исчезли с фермы и шесть дойных коров.

Теперь Гераська остался один. Он сам топил печь, варил картошку и фасоль, мыл посуду. Чуть не каждую ночь в избу приходил тщедушный, веснушчатый гитлеровец и спрашивал, не вернулась ли тётка. Не веря Гераське, он заглядывал под кровать, лазил на чердак и в погреб. Всегда перед уходом фашист больно щёлкал Гераську по носу и что-то говорил на своём языке — резко и угрожающе.

В один из зимних дней всех жителей согнали на площадь. Там, на перекладине, низко прикреплённой к двум акациям, висел поселковый кузнец Максим Дукеев. Ветер раскачивал труп, и он медленно поворачивался на верёвке. На груди у повешенного была доска с надписью: «Такая участь ждёт всех партизан и их укрывателей».

Люди стояли не дыша, с опущенными к земле головами. Слышен был только свист ветра в голых ветвях да скрип перекладины. Кто-то всхлипнул. Гераська поднял голову. В двух шагах от него стояла учительница Анна Ивановна. По её щекам текли слёзы.

А утром, когда Гераська вышел из хаты, он опять увидел Анну Ивановну. Пробираясь вдоль улицы с ведром в руке, она жалась к домам и озиралась. Гераська представил себе Людмилу Семёновну, как та перевязывает бойцам раны прямо под пулями, и ещё сильнее невзлюбил толстую учительницу.

Однажды Гераська лежал в темноте с открытыми

глазами и думал о том, как он ранним утром прокрадётся за село и пойдёт по снежной дороге, пока из лесу не покажется ему навстречу огромный партизан — с бородой, в тулупе, в валенках. Вот тут и начнётся для Гераськи настоящая жизнь!

Когда он так мечтал, в обледенелое стекло кто-то громко застучал. Гераська затаил дыхание. Спустя минуту послышались удары в дверь. Тогда Гераська оделся и открыл задвижку. В лицо ударил яркий свет. «Он самый», — подумал Гераська о веснушчатом гитлеровце, который всегда являлся с электрическим фонарём. Но за фашистом стоял ещё кто-то, высокий, с длинными усами, и поторапливал:

— Открывай, хлопче, скоренько: холодно на улице.

Голос у него был добродушный, с сочными, ласковыми нотками. Гераська, сразу успокоившись, посторонился, чтобы пропустить вошедших.

Но, перешагнув порог, усатый взмахнул плетью, и спину Гераськи неожиданно обожгла боль.

— Ты скажешь, подлюка, где твоя тётка?! — рывкнул усатый.

Гитлеровец спокойно сказал:

— Так некорошо. Корошо класть мальшик на скамейка и резать уши.

Тут Гераська, который от боли лишился на миг голоса, вскрикнул и бросился к двери. Он не помнил, как оказался на улице. В ушах свистело, позади хлопали выстрелы. Но он бежал и бежал, пока не ударился обо что-то головой и не упал, потеряв сознание.

Когда он открыл глаза, то увидел, что лежит у самого порога дома, где жила когда-то Людмила Семёновна. И тут Гераська вспомнил то, о чём совсем забыл, когда так мчался сюда: в этом трёхконном уютном домике живёт теперь не Людмила Семёновна, а Анна Ивановна.

Гераська вскочил, собираясь бежать куда глаза глядят, но вместо этого поднял руки к голове и засто-

нал от тупой боли. И сейчас же скрипнула дверь, будто за ней кто-то стоял и прислушивался, и в ярком лунном свете на пороге показалась полная фигура Анны Ивановны.

— Так и есть, — сказала она негромко: — кто-то стонет.

Она близко подошла к мальчику и заглянула ему в лицо.

— Гераська! Ты! — прошептала она. — Так это в тебя стреляли?

— В меня, — сказал Гераська.

Он не успел отстраниться, как Анна Ивановна подхватила его на руки и, как маленького, понесла в дом. Там она опустила его на кровать, а к ушибленному месту приложила медный пятак. Гераська лежал, не двигаясь, и с недоверием следил за учительницей.

Недалеко от дома заскрипел снег. Анна Ивановна прислушалась.

— Мимо, — сказала она.

Потом опять послышались чьи-то шаги, на этот раз у самых окон. С лёгкостью, необычайной при её полноте, Анна Ивановна вскочила на стол и, подняв руку, тихонько постучала в потолок. Гераська не успел сообразить, зачем она это делает, как в потолке над столом появилось четырёхугольное отверстие.

— Скорее! — шепнула Анна Ивановна Гераське. — Скорее сюда!

В дверь с улицы кто-то постучал — коротко и требовательно.

— Скорее!!

Гераська вспрыгнул на стол и, приподнятый учительницей, схватился руками за края чердачного входа. Через секунду он уже был наверху. В свете, проникавшем из комнаты, он увидел чьё-то бледное обросшее лицо и перевязанную голову. Затем отверстие закрылось, и голова потонула в чёрной, как сажа, темноте.

Гераська лежал на тёплом боровке и слушал. Скрипнула дверь. Застучали сапоги. Внизу громко заговорили. Как и стук в дверь, голоса были резкие и требовательные. Анна Ивановна отвечала сдержанно и негромко.

Минуты Гераське показались нескончаемыми. Но вот хлопнула дверь, и звук голосов сразу оборвался.

— Ушли, — сказал человек, трудное дыхание которого Гераська всё время слышал около себя.

— Ушли, — шёпотом повторил Гераська.

В другом конце чердака кто-то закашлял.

Спустя немного времени Гераська сидел внизу за столом и пил из блюдечка чай. Стол был тот самый, за которым Гераська решал когда-то задачи. Напротив сидела Анна Ивановна и что-то шила. Иногда над головой слышались голоса, но такие глухие, будто рты у людей были плотно прикрыты ладонями. Гераська переставал дуть на блюде и прислушивался.

— О чём ты думаешь? — спросила Анна Ивановна, заметив в глазах у Гераськи невысказанный вопрос.

— Там... — Гераська поднял глаза к потолку. — Там лекарствами пахнет...

— Ну и что же? — не поняла Анна Ивановна.

— Вы их лечите, да?

— Лечу.

Гераська помолчал, затем осторожно, точно боясь, что Анна Ивановна не доверит ему, спросил:

— А они кто? Красноармейцы?

— Красноармейцы, — просто ответила Анна Ивановна.

— Родственники? — ещё более осторожно спросил Гераська.

— Нет, Гераська, не родственники. Я их за овином нашла. Ну, и спрятала.

Подперев кулаком подбородок, Гераська молча

смотрел на скатерть и думал. Потом прерывисто вздохнул.

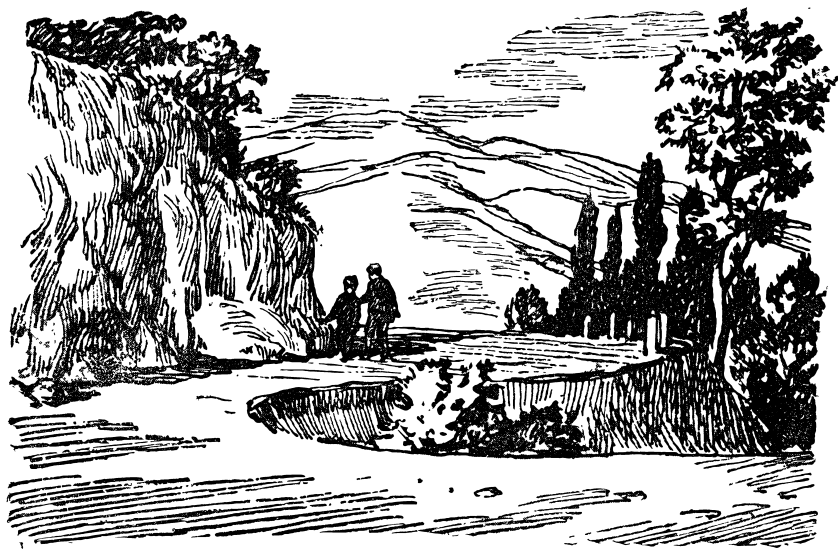
— Опять думаешь, — улыбнулась Анна Ивановна. — О чём?

— Так, ни о чём, — отвернулся Гераська. — Так просто думаю.

Анна Ивановна отодвинула шитьё и, подойдя к Гераське, обняла его. Гераська хотел отстраниться, но вместо того прижался к Анне Ивановне щекой и тихо сказал:

— Я, когда фашистов прогонят, опять к вам в третий «А» перейду. Хорошо?

ЧУДЕСНЫЙ ШЕФ

Я шёл по каменистой дороге, вдоль густого кустарника. Слева тянулись невысокие круглые горы, поросшие тёмно-зелёным лесом. За ними, далеко на горизонте, белели снеговые вершины.

— Ну что? А ты говорил — не дойдём! — донёсся до меня из чащи орешника звонкий мальчишеский голос. — Видишь, какая красота! Не то что у нас!

— Да-а... — протянул кто-то жалобно. — У нас лучше... У нас по ровному, а тут всё вверх да вверх...

Ветки зашевелились, и между кустами появились двое ребят. Один — лет двенадцати, со спутанными рыжими волосами. Башмаки на нём были потрёпанные, измятые брюки в дырах. Другой, худенький, тоненький, с синими большими глазами на бледном лице, едва доставал до плеча первому. На голове его,

спадая на самые уши, сидела новая пилотка, но костюм был так же потрёпан, как и у старшего.

— Ну и что ж, что вверх! Ведь не болят ноги? — сказал рыжеволосый.

— Да-а, не болят! — У малыша скривились губы. — Я всё хромаю, всё хромаю, а ты меня тянешь да тянешь...

— Вася! — укоризненно покачал головой старший. — Я же для тебя стараюсь. Ну, садись, отдохни, ладно? Отдохнёшь, потом дальше пойдём.

— Ладно, — примирительно сказал малыш. Он вздохнул и сел на траву.

Старший примостился рядом.

— Эх, Вася! — мечтательно щуря глаза, сказал он и потянулся на траве. — Сейчас бы по котлетке горяченькой съесть! Да вот беда: тарелочек нет.

— С картошкой?! — живо поднял голову младший, и его вдруг повеселевшие глаза с жадным любопытством глянули в лицо товарищу. — Коля, с картошкой, да?!

— Ну да. А то как же? С картошкой, с огурцом, с подливкой.

— Я бы, Коля, и без тарелочки съел, — нерешительно сказал малыш. — Разве это обязательно, чтоб тарелочка была?

Коля пошарил в кармане, вытащил кусочек тёмного сухарика и протянул его малышу.

Сухарик захрустел на зубах. Лицо Коли приняло напряжённое выражение. Он моргнул и отвернулся.

— А ты? — спросил Вася.

— Я... — Коля запнулся, отвёл глаза в сторону и неожиданно захохотал. — Я... Да я целый кусок съел! А ты и не заметил? Вот такой! — сжал он руку в кулак. — Всю дорогу хрустел...

И, так же внезапно померкнув, отвернулся.

Некоторое время мальчики сидели молча.

— Однако чего же время терять зря! — важно сказал Коля. — Читай, что я тебе задал. Посмотрим,

как ты готовишь уроки. — Он строго взглянул на товарища.

Вася послушно развернул книжку и, запинаясь, стал читать.

— Теперь расскажи своими словами! — всё так же строго сказал Коля, когда малыш кончил читать.

Пока Вася рассказывал, Коля поглядывал на него снизу вверх, будто из-за очков, и хмурил лоб. Но иногда забывался, и тогда лицо его принимало простодушное выражение.

— Тэ-эк, — протянул он и даже провёл рукой, будто погладил усы. — Неплохо. Видно, подготовился. Ну, а как задача? Решил?

— Ты же знаешь, — робко сказал Вася. — Сам же помогал мне решать...

— Мало ли чего... А ты мне отвечай, будто я этого не знаю. Порядок должен быть, понятно? Дисциплина. Ну?

— Решил, — робея, сказал Вася. Он раскрыл другую книжку, по-ученически монотонно прочитал условие задачи и развернул тетрадь.

— Ставлю тебе «хорошо», — сказал Коля, когда с задачей было покончено, — но предупреждаю: если ослабишь, выведу в четверти «плохо». Понял?

Он записал отметку, закрыл тетрадь и улыбнулся:

— Вот скоро придём мы с тобой в город, там определю тебя в ремесленное училище. И будешь ты, Вася, токарем. Станок тебе дадут, резец, форму с серебряными молоточками на фуражке. Будешь ты, Вася, снаряды делать. Каждый день по сто снарядов. Определю тебя, а сам назад вернусь. В оружейный расчёт поступлю. Вставляю в дальнобойное вот такой снарядище — и ба-ба-ах! Вот вам, гады, от нас с Васей гостинец! Ты на своих снарядах отметку делай, чтобы я знал, какие твои. Ладно?

— Ладно, — согласился Вася и уныло добавил: — Только, Коля, меня в ремесленное не примут. Туда берут с четырнадцати, а мне и девяти нету.

Коля вытащил кусочек тёмного сухарика и протянул его малышу.

Туда даже и тебя, Коля, не примут. Скажут: подрасти ещё два года.

— Ну, меня-то, положим, примут... Меня, Вася, куда хочешь примут. А вот тебя... — Коля задумался. — Да-а, — продолжал он со вздохом, — хотел я тебя поскорее в люди вывести, да очень уж ты годами подкачал. Ничего не поделаешь, придётся тебя в школу отдать... Открывай задачник, будем решать дальше.

Я вышел из-за дерева и подошёл к мальчикам:

— Ребята, вы кто такие? Откуда?

Они разом повернули ко мне головы. Младший вопросительно взглянул на Колю. Тот вскинул на меня золотисто-карие глаза, помолчал и с важностью ответил:

— С фронта мы! Фронтовики. Понятно?

— Гм... Не очень.

Глядя на товарища, малыш тоже принял важный вид. Но через минуту они уже забыли о принятой на себя роли и рассказывали со всей ребячьей непосредственностью.

Оба они из Донбасса. Жили в одном доме, учились в одной школе: Коля — в четвёртом классе, а Вася — во втором. Началась война, в рудничный посёлок ворвались враги. Отец Коли ушёл в партизаны, Васину мать фашисты увезли в тыл. Она билась в телеге, протягивала к мальчику руки, кричала. Вася бежал за телегой и тоже кричал. Толстый ефрейтор, сидевший на телеге, ударил его сапогом в грудь. Вася потерял сознание. Очнулся он в своей комнате. Над ним сидел Коля и брызгал ему в лицо водой.

Мальчики стали жить одни.

Рядом в комнате поселился тот самый ефрейтор, который увёз Васину маму. Он заставлял ребят чистить ему сапоги и одежду, греть воду для ванны, стирать бельё. Они делали всё беспрекословно. Даже молча сносили подзатыльники от тяжёлой ефрейторской руки. Но однажды, когда ефрейтор спал, Вася

осторожно взял у него со стола «лимонку» и подал её Коле в окно. Потом, собрав свои книжки, побежал в рощу. Через несколько минут туда же примчался и Коля. Ему казалось, будто уши ему забили ватой — с таким звоном и грохотом разорвалась граната, брошенная в окно на кровать ефрейтору.

Две недели скитались ребята, изодрали одежду, изголодались. Наконец добрались до Ростова и поездом поехали на Кавказ. Здесь, под Нальчиком, у Васи были родственники, — к ним-то Коля и вёз своего друга. И вот, когда они уже были около Нальчика, оказалось, что Вася перепутал название селения, в котором те жили.

— Куда же вы теперь? — спросил я.

Коля уверенно сказал:

— А вот дойдём до города, я там Васю и определю в школу. Пусть учится...

— А книжки? Неужели вы всё время и книжки с собой таскаете?

— А как же! — удивился Коля. — Я ему каждый день уроки задаю. — И доверчиво объяснил: — Шеф я ему.

— Шеф?

— Ну да. Болел он, отстал — вот меня к нему и прикрепил пионервожатый.

Издали доносился монотонный скрип. Раскачивая крутыми рогами, быки тащили по дороге арбу. На арбе, поверх сена, сидели две женщины.

Коля взглянул на дорогу, перевёл взгляд на меня, и лицо его стало медленно заливаться краской. С усилием преодолев смущение, он торопливо зашептал:

— Знаете что? У них, наверно, есть хлеб... Купите у них, ладно? Для Васьки... Он совсем отощал... А я вам деньги вышлю почтой. Как домой вернусь, так и вышлю... Честное слово!

— А ты?.. Ты сам давно ел? — спросил я.

Опустив голову, Коля молчал.

— Хо! Хо! — выкрикивала женщина, ударяя быков длинной хворостиной.

Я остановил арбу. Протягивая руку с деньгами, стал объяснять. Вероятно, вид у меня был довольно странный: женщины смотрели на меня с недоумением.

— Не ели, понимаете? Давно не ели... Голодные... А просить было стыдно! — почти крикнул я, показывая на ребят.

Те стояли рядом, переминаясь с ноги на ногу.

Старшая, на морщинистом лице которой отразилось участие, что-то спросила по-кабардински.

— Что? — не поняли мы.

— Айшат спрашивает, где их родители, — пояснила молодая, с узким красивым лицом женщина, сидевшая позади старшей.

Я объяснил, что слышал от мальчиков. По мере того как я говорил, лица женщин делались всё напряжённее. Видимо, рассказ мой на них подействовал.

— Айшат! Айшат! — заторопилась младшая. — Где же чурек? Он тут был.

Она торопливо стала шарить в арбе. Нашла в сене мешок, подняла его, хотела развязать, но, не развязав, соскочила с арбы, схватила Васю за руку:

— Угнали?! Угнали маму?.. Ай-ай! Такой маленький остался один!.. — И нежно заговорила: — Поедем, поедем, мальчик! Будешь, как мой сын. Поедем, мальчик... А ты к ней, к ней! — повернулась она к Коле. — Тебя Айшат возьмёт... Айшат, ты возьмёшь его, правда?

Айшат вздохнула и сказала что-то на своём языке.

Они стали говорить между собой: молодая — быстро и возбуждённо, старшая — тихо и нерешительно.

— Не хочет, да? — спросил я с тревогой.

— У неё своих шесть. Боится, что муж ругать будет, — объяснила молодая.

Я сказал:

— Нет, не будет. Как можно, чтобы за это ругали! Не будет.

— Нет? — засмеялась старшая и махнула рукой. — Садись. Семь будешь... Ехали!

— Ладно, — согласился Коля, взбираясь за Васей на арбу. — Поеду уж. Поживу, посмотрю, как ты там устроишься, а потом — на фронт. В артиллерийский расчёт.

Быки закачали рогами, арба закрипела.

А я долго ещё стоял на дороге и смотрел, как горела на солнце рыжая голова чудесного шефа.

Нет, он Васю не оставит!

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Каждый день, когда солнце пряталось за ветряную мельницу и оттуда золотило верхушки тополей, маленькая Наташа увязывала в платок миску с жареной картошкой и шла к железной дороге. Здесь она садилась на насыпь и ждала. Прямо перед ней расстилалось поле. По полю, как большой жук, полз трактор. За ним чёрным бархатом тянулась взрылённая земля. Иногда жук-трактор подползал к самой насыпи и тут отдыхал. Дядя Тихон, в замасленном комбинезоне, с медно-красным от солнца лицом, снимал соломенную шляпу, вытирал ладонью пот со лба и кивал на белевший в траве узелок:

— Батьке?

Отдохнув, трактор принимался сердито стучать, круто поворачивался и полз обратно.

За лето поле менялось на глазах у Наташи несколько раз. Сначала оно бывало серое и очень неуютное. Потом, когда дядя Тихон изъездит его вдоль и поперёк, оно делалось чёрным и будто лоснилось. А потом покрывалось зелёным ковром, и сплошной ковёр этот тянулся до той сказочной черты, где хрустальное небо упиралось краями в землю. Когда рожь созревала, поле превращалось в море, а железнодорожная насыпь — в берег.

Наташе казалось, что все перемены в поле делались по воле дяди Тихона, что дядя Тихон есть главный хозяин земли, а земля ему охотно во всём подчиняется.

Однажды, когда дядя Тихон поехал в Москву и оттуда вернулся с орденом на груди, он пришёл в Наташину школу и сказал ребятам речь.

— Земля,— сказал он,— всему причина. Она сама — чудо, и от нее все чудеса. Даже человек, что хозяином по ней ходит, и тот ею создан. Кто землю не любит, тот пустой человек, и нет ему счастья.

Из всех людей, которых Наташа знала, только отец казался ей таким же могучим, как дядя Тихон: одним поворотом ручки он заставлял огромный, пышущий жаром «ФД» мчаться по блестящим рельсам и катить за собой больше вагонов, чем в Марьевке было хат. «Ве-зу-у-у-у!..» — на весь свет кричал паровоз, торопливо стуча колёсами и пуская в синее небо клубы белого, как облака, пара. К Марьевке, где был подъём, паровоз шёл медленно, тяжело дыша и отдуваясь. Тут-то Наташа и подбегала к нему. Высушившись по пояс, отец подхватывал из рук девочки узелок, а ей бросал бумажный кулёчек с мармеладом, пряниками или халвой.

Потом всё переменялось. Наташа уже не знала заранее, когда проедет мимо отец, и ждала его на насыпи часами. Да и домой он стал заглядывать редко. Вместо дяди Тихона на тракторе теперь сидела марьевская девушка Ганна. А про дядю Тихона гово-

рили, что водит он уже не трактор, а танк. Это была война, и вскоре она подошла к самой Марьевке. Наташа сидела на насыпи и смотрела на проходящие мимо поезда. Шли и шли эшелоны, а отца всё не было. И вдруг Наташа услышала странные гудки: гул был протяжный, тяжёлый; он хватал её за сердце. Наташа закрыла глаза, а когда вновь их открыла, то увидела, что по рельсам идут паровозы — одни только паровозы, без вагонов. Их было много, и шли они друг за другом, тяжёлые, гневные, будто кем-то обиженные. Наташа так испугалась, что даже не сразу заметила отца; высунувшись, он махал ей рукой и что-то кричал.

— Что? — слабо спросила Наташа. Ей казалось, что она видит страшный сон и не может проснуться.

— Скорей! Скорей лезь сюда! Мы уезжаем!.. Со всем!..

Всё ещё как во сне, Наташа подошла к паровозу и повисла на лесенке. И только теперь, когда ноги её больше не прикасались к земле, она поняла, что покидает родную деревню.

— Куда же мы, батя? Куда?..

Отец подхватил её на руки и поставил у окна.

За окном медленно плыло золотое поле. Глядя на него покрасневшими глазами, отец торопливо расстёгивал синий ворот спецовки, точно он сжимал ему горло. И вдруг, шагнув к выходу, прыгнул на землю. Когда минуту спустя он опять поднялся на паровоз, Наташа увидела, что в руке он держал полную горсть земли. Он высыпал землю в носовой платок и завязал. Потом глянул в окно и бодро сказал:

— А Тихон наш — слыхала? Семь танков фашистских опрокинул. А сам ничего — живой!

* * *

На новом месте Наташа сначала сильно тосковала, потом попривыкла. Только по ночам ей часто снилось родное поле.

А привыкать Наташе было к чему: раньше она жила в белой хате с занавесками и геранью на окнах; теперь домом ей был деревянный длинный барак, где, кроме неё и отца, жило ещё человек двадцать. Раньше, куда ни глянешь, расстилалась степь да редко-редко поднимались кое-где невысокие курганы; теперь кругом теснились горы, и белыми пятнами на них паслись отары овец. Да и ребята в школе были не те: всё больше черноволосые и очень горластые. Но отец по-прежнему водил поезд и по-прежнему маленькая Наташа жарила ему картошку.

Так прошло много месяцев. Наташа вытянулась, русые волосы её под горным солнцем выцвели, а лицо покрылось коричневым загаром.

Однажды ребята из Наташиной школы отправились в подшефный госпиталь. Они пели там, танцевали, читали стихи. Под звон гитары Наташа спела песню про старый Днепр, над которым летят журавли. Среди больных было много украинцев. Им понравилась песня. Они шумно хлопали и заставили Наташу спеть эту песню ещё раз. Когда покрасневшая Наташа шла с ребятами к выходу, какой-то больной взял её за руку и спросил:

— Ты откуда, дочка?

— Я из Херсона, — сказала Наташа.

— Так-таки из самого Херсона?

— Нет, чуть подальше: из деревни Марьевки.

— Ну, тогда ты Ивана Чуправы дочка, — уверенно сказал больной.

Наташа удивилась.

— Правда, — сказала она, всматриваясь в лицо больного. — А вы ж кто? — И вдруг, узнав, прошептала: — Дядя Тихон...

Да, это был дядя Тихон. Но как он изменился! Лицо серое, уши — как из воска, волосы поседели.

Он взял Наташу за обе руки, хотел сказать что-

то, но лицо его задрожало и часто застучали зубы. Подбежала сестра и вывела его из зала.

На другой день Наташа пришла в госпиталь одна. Дядя Тихон лежал в постели, укрытый одеялом. Увидя Наташу, он сказал:

— Вчера понервничал. Ну, больше этого не будет... Садись...

Всматриваясь в больного, Наташа спросила:

— Что ж оно с вами, дядя Тихон? Белый вы совсем...

Дядя Тихон улыбнулся бескровными губами:

— И сам не знаю. Два раза меня ранило — и два раза возвращался я в строй. А тут контузило — и никак не оправлюсь. Всё целое — руки, ноги, голова, — а вот сидит внутри хвороба — и хоть ты ей что! — Он помолчал и, подумав, сказал: — Наверно, бурьяном заросло. За ним уход нужен, а так — что ж!

— Что заросло? — не поняла Наташа.

— Да поле наше. Помнишь?

И умолк, строго глядя в потолок.

С этого времени Наташа стала бывать у дяди Тихона часто. И о чём бы речь ни шла, он переводил разговор на своё поле и каждый раз мечтательно говорил:

— Эх, полежать бы на травке, на родной земле!

Наташа опускала ресницы, боясь выдать тайну. А возвратясь домой, нетерпеливо подбегала к подоконнику...

В один осенний день, когда по вспотевшим стёклам уныло ползли дождевые капли и на душе у дяди Тихона было особенно тяжело, Наташа пришла оживлённая, весёлая.

— Узнайте, что я принесла? — спросила она лукаво.

Платок её оттопыривался. Дядя Тихон сказал:

— Знаю! Картошку жареную.

Наташа распахнула платок — и дядя Тихон ощутил щемящий, зелёно-радостный дух весны: в руках

Ребята пели, танцевали, читали стихи.

Наташи было чайное блюдце с чёрной землёй, из которой с праздничной весёлостью тянулись кверху зелёные травинки ржи.

— Дядя Тихон, та це ж наша ридна земля!

И Наташа торопливо, захлёбываясь от волновавшего её чувства, рассказала, как ехали они мимо марьевского поля и как отец захватил с собой горсть земли.

Дрожащими руками больной схватил блюдце и, приминая слабые травинки, припал лицом к земле. А Наташа гладила его стриженую, колючую голову и всё уговаривала:

— Вы ж только не волнуйтесь, дядя Тихон...
Вы ж только не волнуйтесь...

САД

Земля уже обнажилась, и только кое-где ещё виднелись белые полосы снега.

Петя, белокурый мальчик лет двенадцати, с холщовой сумкой на боку и длинной жердью в руке, ходил по изрытой влажной земле и концом палки ловко поддевал всё, что попадалось ему на пути.

В его сумке уже позвякивали две рыжие от ржавчины фашистские каски, а в них лежали прелые ремни с бляхами, мотки полевой телефонной проволоки и медные гильзы от патронов.

На большой дороге, которая то ныряла в овражки, то выбегала из них, показался прохожий. Был он в сапогах, в солдатской шинели, с зелёным вещевым мешком за плечами. И шёл, как ходят все пехотинцы, — шагом ровным и неторопливым. «Демобилизо-

ванный», — подумал Петя. Прикрыв от солнца ладонью глаза, он старался издали распознать, кто ж это ещё возвращается с войны домой. Человек подходил ближе и ближе, а Петя всё не узнавал и, решив наконец, что солдат не из их деревни и идёт куда-то дальше, взялся опять за свою палку. Но, поравнявшись, человек остановился и озабоченно спросил:

— А что, мальчик, далеко ещё до Коноплянки?

— Вот она, Коноплянка, — показал Петя палкой.

Не больше как в километре вытянулось по струнке несколько аккуратных домиков с блестящими под солнцем крышами из свежего камыша, а вокруг них толпились земляные бугры, похожие на деревенские погреба.

Человек посмотрел и с тревожным недоумением перевёл глаза на мальчика:

— Да ты точно ли знаешь?

— Ну вот! — засмеялся Петя. — Всю жизнь тут живу.

— Да-а... — протянул человек. Было заметно, что он слегка растерялся. — Вот оно какое дело! А я её видел совсем другой. — Он оглянулся, ища глазами место посуше, подошёл к выступившему из земли углу какого-то бетонного сооружения и не спеша присел на него. — Совсем другой её видел, да-а...

— Она и была совсем другая, — подтвердил Петя, усаживаясь на камне против солдата с таким видом, будто готовился начать обстоятельный разговор. — Хорошая была, зелёная. А теперь что! Теперь все в земле живём. Даже серые от неё поделались... А вы из больницы, верно? Лицо у вас хворое.

Лицо у солдата действительно было болезненно жёлтое, как у человека, долго не выходившего на свежий воздух, и всё в мелких чёрточках морщинок.

— Да, пришлось полежать. — Он поглядел вокруг, задержался взглядом ясных серых глаз на ровной площади, которая расстилалась поблизости, и неуверенно сказал: — Раз это и вправду наша Коно-

плянка — значит, рота оттуда наступала, от той вон высотки, а фашистский край тут тянулся, где мы сейчас с тобой.

— Точно, — подтвердил Петя, — на этом самом месте. А вы разве из Коноплянки?

— Я? Нет.

— А говорите: «наша Коноплянка».

— Я так сказал? — удивился солдат и засмеялся. — Значит, ей и впрямь быть моей. — Он внимательно оглядел мальчика: — Это что же у тебя? Или тоже воевал?

Петя сумрачно, как-то сбоку глянул на левую руку без кисти и неохотно ответил:

— Фашист отбил...

Потом помолчал и так же неохотно объяснил:

— Подбежал с факелом к нашей хате — они всю деревню палили, — а я рукой за факел: «Не дам!» — говорю. Ну, он меня и...

— Понятно, — кивнул солдат. — Да, потерять в твоём возрасте руку — дело невесёлое.

Чёрные глаза мальчика задорно блеснули:

— А что? Вы думаете, я калека! Ого! — Он вытянул здоровую руку и несколько раз сжал в кулак и вновь распрямил пальцы. — Она у меня за две работает. А эта тоже помогает, хоть и без пальцев. — И тоном взрослого уверенно протянул: — Проживу-у!

Солдат засмеялся и потрепал мальчика по плечу:

— А солнца сегодня сколько! Льёт и льёт с неба. Под таким солнцем да не прожить!

Он поднялся и отряхнул шинель:

— Ну, пойду... Где у вас правление-то?

— Идти так идти, — солидно сказал Петя, тоже поднимаясь и тоже отряхиваясь. — Правление наше в крайней хате. Сейчас я вас туда доставлю. — Он ловко поддел жердью консервную коробку, вскинул жердь на плечо, как винтовку, и зашагал в ногу с солдатом. — Вот оно, правление. А рядом — школа.

Новая. И парты в ней новые и доска. Скоро вся деревня будет новая.

По мере того как они приближались, вид деревни делался всё более тягостным. Люди вырыли себе норы в земле, там и жили. Человеческие фигуры то спускались вниз, точно втягивались в глинистую землю, то поднимались наверх, как воскресшие покойники. И нигде ни одного дерева. Видны были только низкие, опалённые огнём камни да грязные кучи золы, смешавшейся с глиной. Но зато какими ослепительно чистыми и стройными казались на этом безнадёжном фоне четыре новых домика, от которых ещё пахло свежераспиленной сосной!

Из землянки вышел бородатый человек и направился к новой хате. Он был без пиджака, с расстёгнутым по-летнему воротом синей рубашки, но в шапке.

Увидя его, Петя загремел консервной коробкой и бойко крикнул:

— Товарищ председатель, подождите! Вот до вас... — Он повернулся к солдату: — Как ваша фамилия?

— Гончаров.

— Вот до вас товарищ Гончаров прибыл.

Мужчина остановился, испытующе оглядел солдата и неуверенно спросил:

— Гончаров? Не тот ли, который письмо писал?

— Тот самый, — козырнул солдат.

Услышав его голос, председатель оторопело вскинул голову:

— Как же это? А писал, что немой.

— Так точно, писал. Тогда я действительно не разговаривал. От контузии онемел. Теперь прошло.

— Прошло?! — удивлённо и радостно воскликнул председатель. — А как же вы к нам попали? — И тут же, перебивая себя и ласково заглядывая в глаза, заторопился: — В хату до меня пожалуйте, в хату!

Вечером в просторной комнате избы-читальни собрались несколько десятков человек — почти всё взрослое население Коноплянки.

Гость сидел рядом с бородатым председателем, который оказался совершенно лысым. В ожидании, когда откроется собрание, они вполголоса переговаривались. Тут же, среди взрослых, вертелся Петя. В комнате стоял сдержанный гул голосов.

— Занятный какой, — показал гость глазами на мальчика. — Чей он?

Председатель ласково улыбнулся:

— Общий он. Отец на фронте погиб, а мать в хате сгорела. Хотели мы отвезти его в детский дом — не согласился. Ну, и живёт тут в одной семье. Без руки, а в школе — первый! — В голосе председателя слышались горделивые нотки. — И к технике пристрастие имеет. Нам обещали радиоузел оборудовать. Неизвестно, когда это дело будет, а он уже во все дома проволоку тянет.

Подошли ещё несколько человек. Председатель вынул из нагрудного кармана сложенное треугольничком письмо, надел очки и открыл собрание.

— Товарищи колхозники, — сказал он, — все вы знаете, что месяцев шесть назад пришло к нам одно очень важное письмо. Писал его незнакомый нам человек из военного госпиталя. Там он лежал после ранения. Теперь этот человек здесь, вот рядом со мной сидит. Письмо мы уже обсуждали на двух собраниях, и я так полагаю, что настала пора вынести по этому делу наше окончательное решение. Слушайте, прочту письмо ещё раз.

Он развернул листок и, отчётливо выговаривая каждое слово, свободно, без запинки, видимо зная всё письмо наизусть, стал читать:

— «Товарищ председатель, пишет вам красноармеец Степан Саввич Гончаров, по довоенной специальности садовод. Осенью был я в ваших краях —

проще говоря, в ожидании наступления сидел в траншеях аккуратно против самой вашей Коноплянки. И вот на что я, как специалист своего дела, сразу обратил внимание. К северо-востоку от вашей красивой деревни, занятой в ту пору немцами, раскинулась гектаров на восемь или десять очень ровная площадка, превосходно защищённая от ветров гористой цепочкой в форме подковы. Можно сказать без ошибки, что природа прямо-таки нарочно приготовила ту площадку под плодовый сад. И земля, как это обнаружилось при рытье окопов, суглинистая, то есть вполне подходящая. И вот я тогда решил: как сломим вражескую оборону и будем идти через Коноплянку, обязательно посоветую тамошним колхозникам насадить на этой площадке плодовый сад. Но тут получилось так, что на той самой площадке, когда шли мы в наступление, меня ранило, а потом ещё и контузило. Теперь я лежу в госпитале, вот уже много месяцев, от контузии лишился дара слова — проще говоря, онемел, но площадку ту и теперь мысленно представляю. Даже во сне её вижу в розовом цветении под солнцем. И потому даю вам совет этот в письменной форме...»

Председатель снял очки и деловито сказал:

— Дальше идёт описание, какие надо сажать деревья и в каком порядке. Но сейчас я читать этого не буду, а лучше предоставлю слово самому Степану Саввичу. Немота его благодаря нашей советской медицине прошла — и вот он весь перед вами.

Солдат встал, и, будто сговорившись, встали перед ним все колхозники.

Он хотел заговорить, но голос его прервался.

Тогда, борясь с волнением, он начал водить головой вправо и влево, будто хотел освободиться от невидимых пут. И наконец заговорил:

— Товарищи колхозники, очень трудное получилось у меня положение. В самый последний момент пришло в госпиталь известие, что жена и дочурка — **проще говоря, вся моя семья—погибли в фашистской**

неволе. Ну, как мне возвращаться в свой пустой дом! Вот и решил я, если будет на то ваше согласие, остаться тут с вами. На том участке пролилась кровь моих товарищей по роте, с которыми прошёл я от Волги до вашей Коноплянки. Жизнью своей вернули они вам землю. Так насадим же на той земле сад, и пусть он растёт в их светлую и вечную память...

Он хотел продолжать, но волнение опять сковало его речь, и он опять стал с усилием водить головой из стороны в сторону.

Тогда к нему подошла старая, вся в глубоких морщинах женщина, помогла ему сесть и, взяв в свои коричневые руки его стриженую голову, остановила её мучительное движение. Потом села рядом и просто сказала:

— Посадим, милый, все вместе сажать будем. Кто же против такого светлого дела говорить будет!..

* * *

Солдату отвели комнату в новом доме. Он лежал на соломенном тюфяке и смотрел в тёмное окно на лучистую звезду, одиноко мерцавшую в далёком небе. Со станции он, ещё слабый после болезни, шёл пешком, очень устал, и теперь всё его тело отдыхало. Но уснуть он не мог, растревоженный встречей с колхозниками, на чьей земле он пролил свою кровь. И, как всегда в последнее время, когда он думал о чём-нибудь хорошем, тоска о жене и дочери ещё крепче сжала ему сердце: они этого хорошего не увидят никогда...

Дверь скрипнула, и кто-то шёпотом спросил:

— Спите?

— Нет, — ответил солдат. — А кто это?

— Да я, Петя. Бабка Устинья вам глечик молока прислала.

Мальчик на цыпочках прошёл в темноте к окну и осторожно поставил кувшин на подоконник. Немного помялся и весело сообщил:

— Это та самая бабка, что с вами рядом села! Она у нас серди-итая! Всех ругает, всем перечит. Вы как сказали про сад, я и подумал: вот сейчас разбурчится: «Какой там сад, когда все в земле живём! Сначала надо хаты построить, потом сады сажать». А она — ишь что сказала!.. — Он присел на корточки и дружелюбно спросил: — Значит, вы теперь наш?

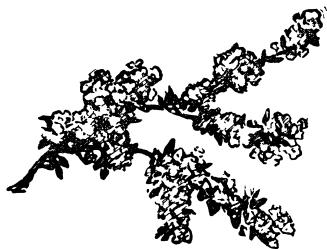
— Ваш,— серьёзно, будто разговаривая со взрослым, ответил солдат.

Подумав, мальчик сказал:

— Вот я вам радио проведу, чтоб вы не скучали.

Потом опять подумал и ободряюще добавил:

— А будете скучать, я и сам к вам перейду. Станем вместе жить. Вдвоём не будет скучно. Проживём-ом! Ещё ка-ак!

В ВАГОНЕ

На станции Ростов в вагон пригородного поезда протиснулись двое мальчиков. Сумерки уже сгустились, и лица мальчиков тонули в них расплывчатыми, бледными пятнами. По росту старшему можно было дать лет четырнадцать, младший же не доставал и до плеча старшего.

— Духота какая! — сказал старший чистым, как у девушки, голосом.

Натыкаясь на чемоданы и мешки, загромоздившие проходы, он пробрался к окну и со стуком опустил раму вниз. В вагон хлынул свежий воздух. Мальчик потрогал руками верхнюю полку, посадил на неё младшего и туда же полез сам.

— Улёгся, доктор? — спросил он любовно.

— Улёгся, — солидно ответил младший.

— Ну, поехали назад. Не выполнили мы с тобой задания.

Молодая женщина, сидевшая в окружении кошёлочек с ароматными яблоками, беззлобно сказала:

— Вот какие теперь пошли дети! Кроме них, будто никого и нет в вагоне: пришли, открыли окно, а старших и не спросили.

— Самостоятельные очень! — сердито подхватила старушка, крепко обнимавшая огромный чемодан. — А балованные — ужас! Даже курят. А чтоб место старшему уступить — и не подумают. От Ворошиловского до вокзала на площадке трамвая стояла.

— С таким чемоданом, бабушка, в середину трамвая и кондуктор не пустит: только на площадке и ехать, — сказал старший мальчик.

— А ты меня не учи! — ещё более осердясь, крикнула старушка. — Чемодан как чемодан — обыкновенный.

— Да, обыкновенный! — усмехнулся мальчик. — Чуть руки себе не оборвали, как тащили его до поезда.

— И сейчас плечо болит, — подхватил младший.

— А разве ж это вы помогали?

— А то кто ж? Мы.

— А я вас не признала тут, в потёмках. Да и глаза уже немолодые.

Старушка помолчала и, не желая, видимо, полностью сдать, пробормотала:

— А курить всё-таки молодым не следует. Для здоровья вредно.

— Да мы и не курим. Тут до нас было накурено. Мы дым в окошко выпустили.

— Вот я и говорю: самостоятельные очень.

Старший опять усмехнулся:

— Я, бабушка, всю весну на тракторе ездил.

— Это я тут накурил,— добродушным басом признался военный, сидевший в углу. — До войны никогда табаком не баловался, а попал на фронт — закурил. Без этого воевать трудно.

— Трудно? — спросила старуха.

— Очень трудно. Можно даже сказать — невозможно. Так вот и привык. Теперь, на мирном положении, бросать придётся. Не знаю, удастся ли...

— Удастся,— авторитетно сказал младший мальчик. — Отец писал: «Как приеду, так и брошу».

Протяжно и радостно прокричал паровоз, вагон дрогнул, и за окном тёмными силуэтами поплыли перронные столбы, грузовая тележка, вагоны соседнего поезда.

На мгновение в окно ворвался ослепительно белый свет фонаря, выхватил из темноты загорелое лицо военного, скользнул по кошёлке с яблоками — и потух.

— Поехали, доктор, — опять сказал старший мальчик. — Зря мы с тобой прокатились.

— Да что ты его всё доктором зовёшь? — удивилась старуха. — Имени у него нет, что ли?

— Да нет, его Ваней зовут, а доктор — это прозвище. Он лошадь вылечил, — вот ребята его и прозвали так.

— Как — лошадь вылечил? — слышались голоса пассажиров. — От чего вылечил?

— От раны, — с видимым удовольствием сказал старший. И чтоб его лучше слышали, склонил вниз голову. — Лошадь раненая к нам в деревню пришла с фронта. Фронт-то совсем близко был. Стала на околице, а войти боится. Ваня заметил её и говорит: «Иди, иди, не бойся». Да в школьный двор её и привёл. Учительница сначала даже обиделась. «Разве ж можно, — говорит, — такое большое животное держать здесь! Ты б ежа принёс для живого уголка или кролика, а то целую лошадь привёл!» А ребята обрадовались и просят: «Пусть, Марфа Ивановна, живёт!» Ло-

шадь и осталась при школе. Кормили её все ребята, лечил только Ваня, потому что она никому больше не давала рану свою мазать, одному Ване доверяла.

Военный прокашлялся и, обращаясь к старушке, сказал:

— Вот вы, извиняюсь, вроде не одобряете детвору за самостоятельность. А я думаю, что это хорошо. За четыре года на фронте я всякого народу насмотрелся.

Военный принялся рассказывать о разных случаях, когда смекалка и самостоятельность выручали из беды. Рассказывал, а сам всё поглядывал в окошко.

За Мартыновым разездом он опять озабоченно глянул в окно.

— А тут по-прежнему есть остановка? — спросил он.

— Есть, — сказал старший мальчик. — Нам тоже здесь сходить.

— Вот как! А зачем вы ездили в Ростов?

— Отца Ваниного встречали.

— Ну и что же, не приехал?

— Да как его признаешь! — с досадой сказал старший. — Я его совсем не знал, потому что в другой деревне тогда жил, а Ваня разве помнит, какой он! Ване всего шесть лет было, когда отец на фронт ушёл. По карточке хотели встретить.

— По карточке?..

— Да, по портрету. Подошёл поезд с демобилизованными, а народ как двинет! Нас и затолкали.

— С цветами полезли! — обиженно сказал Ваня.

— А вы б по вагонам походили, — со странной напряжённостью сказал военный. — Может, он в этом поезде едет.

— Да мы уже ходили. В каждом вагоне в два голоса с Ваней кричали: «Товарищ гвардии сержант Приходько, чи вы тут?» Не отозвался.

Военный охнул и растерянно сказал:

— А я тут!.. Вот же я...

Минуту спустя Ваня, утратив всю свою солидность, сидел на коленях у военного и прижимался щекой к гладким холодным медалям. Молодая женщина незаметно перекладывала яблоки в карманы ребят, а старуха вздыхала, всхлипывала и добродушно укоряла:

— Самостоятельные!.. Везде кричали, а тут не догадались...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Мышонок. <i>Рис. В. Ладыгина</i>	3
Приказ командира. <i>Рис. И. Бруни</i>	44
Полотенце. <i>Рис. И. Бруни</i>	53
Гераськина ошибка. <i>Рис. И. Бруни</i>	58
Чудесный шеф. <i>Рис. И. Бруни</i>	66
Горсть земли. <i>Рис. И. Бруни</i>	74
Сад. <i>Рис. И. Бруни</i>	81
В вагоне. <i>Рис. В. Ладыгина</i>	89

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге издательство просит присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Обложка В. Ладягина

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Василенко Иван Дмитриевич
РАССКАЗЫ

Ответственный редактор **Р. М. Пикман**. Художественный редактор **С. И. Нижняя**.
Технический редактор **Н. А. Чернышева**. Корректоры **М. Б. Шварц** и **К. П. Тягельская**.

Сдано в набор 27/V 1958 г. Подписано к печати 28/VII 1958 г. Формат 60 × 92^{1/16} — 6 печ. л. (4,25 уч.-изд. л.). Тираж 500 000 (1—200 000) экз. Цена 1 р. 50 к.
В переплете 2 р. 50 к. Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

В 1958 году в серии „Школьная библиотека“ для детей младшего школьного возраста выйдут в свет следующие книги современных писателей:

- СОБОЛЕВ Л. — Батальон четверых.
Рассказы о моряках
- КАССИЛЬ Л. — Есть на Волге утёс.
Рассказы о советских людях
- ОСЕЕВА В. — Отцовская куртка.
Рассказы о ребятах, об отношении их к взрослым, о чувстве долга
- НОВОГРУДСКИЙ Г. — Дик с 12-й Нижней.
Повесть из жизни американской рабочей семьи
- НОСОВ Н. — Весёлые рассказы и повести.
- ШАРОВ А. — Маленькие становятся большими.
Рассказы о воспитанниках детского дома-коммуны в первые годы советской власти
- СКРЕБИЦКИЙ Г. — Друзья моего детства.
Рассказы о природе и животных
- СБОРНИК — Солдатский подвиг
Рассказы о Советской Армии
- СБОРНИК — Так поступают пионеры.
Документальные рассказы о героических делах пионеров.
- Обращайтесь за этими книгами в школьные библиотеки.**

Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

Цена 2 р. 50 к.

009080/IX Ж.

= 15

И. Василенко

РАССКАЗЫ

Детгиз ~ 1958